

КНИГА II

ВСЁ – ТВОРЧЕСТВО

Демократическое
соревнование

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Это третий путь! /	170
Я хочу сказать г-ну Баррозу, что «демократия» — это не вещь /	174
Фуко — определение власти применительно к демократии /	181
Соревнование и демократия /	193
Бытующие академические определения демократии /	202
Афины не были историческим исключением /	205
Европейские демократические традиции моложе бабушки г-на Баррозу /	208
Это — демократическое соревнование /	209
Состязательное правосудие /	213
Laissez-laissez-faire /	216
Частная и государственная собственность /	219
Государство и гражданское общество /	222
Враги открытого общества и демократического соревнования /	225
Демократические традиции /	232
Вот он — третий путь! /	238

Волнение... подъем и спад волны, волнообразное колебание в жидкой, упругой среде, непрерывно передающееся ее частицам, но с малозаметным перемещением в направлении движения волны или его полным отсутствием: вибрация. — Пульсация, вызванная одновременным вибрированием двух тональностей не совсем в унисон. Волнообразный вид, волнообразный силуэт или волнообразная форма... Власть и демократия.

Иван Святкович

ЭТО ТРЕТИЙ ПУТЬ!

Живя и работая в России, начиная с 1992 г., в первые годы постсоветских реформ, я оказался в своего рода лаборатории, позволившей воочию увидеть, что общественная деятельность и познание глубоко проникают в социальную практику, воплощаются в ней и являются ее результатом. Тогда Россия представляла собой страну, которая на протяжении жизни трех-пяти поколений находилась под пятой тоталитарного режима, намеренно сокрушившего естественное развитие социальных практик страны, традиции великой культуры, ее культурное наследие, все то, что в любой стране является фундаментом налаженной, обустроенной жизни и дальнейшего социального прогресса. Были уничтожены все социальные институты, составляющие основу свободы, демократии, правосудия, справедливости и экономического процветания в других странах Европы. И когда Россия сбросила с себя ярмо марксистского режима (1990–1993), ей при-

шлось начать строительство общественных отношений с нуля. Я заметил, что в жизни ничто не работает просто в силу того, что к власти приходят порядочные люди (и что, по существу, в условиях полного крушения социальной практики чем больше недоброжелательности и безнравственности в людях, тем успешнее они пробиваются наверх, занимают важные посты в политике и экономике); я заметил, что ничто не работает до тех пор, пока в критической массе бесконечных вариаций различных аспектов общественной жизни не устанавливается необходимой связи между ними в условиях свободного развития социальной практики, в процессе, где важнейшей составляющей является время. Я понял, что нет правильного или неправильного пути, есть только взвешенный, сбалансированный путь, где роль балансира принадлежит свободе и времени.

Отсюда я вынес свое представление о сути бытия (человеческой и общественной жизни) как проявления и отражения *социальной практики* и, по большому счету, пришел к осознанию того, что *всё сущее — творчество и всё вокруг нас есть результат творчества*. В своей книге *Expressions and Interpretations. Our perceptions in competition — A Russian Case* («Выражения и толкования. Наши восприятия в состязании — взгляд на Россию») я подчеркивал, что за словами (понятиями), которыми мы именуем свои базовые восприятия общественной жизни, такими, как «право», «экономика» и «религия», по сути дела, скрывается великое множество различных *форм* или, скорее, *сторон* социальной практики. В этой книге я хотел бы остановиться на одной из них — «демократии». Я ставлю перед собой цель дать расшифровку значения слова «демократия», понять истинный смысл и значение всех явлений, мысленно собираемых, накапливаемых и вкладываемых нами в понятие «демо-

кратия», проникнуть глубже под поверхностный слой этого представления и попытаться найти некие общие знаменатели, которые, исходя из жизненного опыта, можно считать «демократией». Эти искания подразумевают, что мне придется занять весьма критическую позицию в отношении политических наук, политологии в том виде, в котором они преподносятся академическим сообществом. В моем понимании, концептуальный метод академической науки, так называемый *научный* метод (в том значении, которое ему приписывается, к примеру, Карлом Поппером) не подходит для этой цели. Под концептуальным методом я подразумеваю академические традиции введения в речевой обиход новой терминологии, новых слов, чтобы затем утверждать, что эти слова имеют самостоятельное значение, определяемое очередными новыми словами и инсинуациями. В такой извращенной научной форме определение «демократии» предполагает все, что можно считать политической системой в Западной Европе и Америке, а все, что отличается от этого, по представлениям самих западноевропейских и американских ученых, является в большей или меньшей степени неверным.

Я понял, что вместо такого концептуального научного метода мне следует обратиться к методу истинно научному, который я называю состязательным методом¹, и вместо того, чтобы пытаться следовать ритуальным формулам, придуманным нашими университетами, и свято хранить верность традиционному значению слова «демократия», мне нужно подойти к решению этой задачи, взяв на вооружение понимание того, что всё в науке суть всего лишь восприятия в состязании, что в этом нет ничего постоянно-устойчивого, а есть только различные воз-

¹ Что касается состязательного метода, см.: *Hellevig J. Expressions and Interpretations. My Universities Press (Хеллеви́г Й. Выражения и толкования). Глава 10.*

можности (коих несметное количество) мирозерцания, взглядов на жизнь и что истинная наука означает попытку воспроизвести доподлинный сюжет, повествование обо всех сторонах и аспектах, затрагивающих наблюдаемые явления. Я понял, что нужно прочно закрепить якорь «науки» в доказанной реальности, то есть в творчестве. И для достижения этой цели мне пришлось воспользоваться чем-то новым, новыми нормами для замены фиктивного научного метода. Для этого в книге «Выражения и толкования» у меня был разработан собственный *метод состязания*, и все, что мне тогда было нужно, — это найти поддержку своим взглядам, найти авторов-единомышленников, кого-то, на кого можно было бы сослаться. Вот так я открыл для себя научное значение трудов Марселя Пруста, и так пришел к постижению его представления о науке, изложенного в трактате о человеческой природе «В поисках утраченного времени». — Его нужно читать от корки до корки; именно там можно найти и осмыслить значение этого поиска. Так что в этой связи я могу лишь отметить некоторые черты прустовского образа мыслей, его метода, сославшись на раздел, который, с моей точки зрения, является особенно наглядным (в этом плане)¹. Именно там он дает совет ученому «пытаться увидеть за материей, за опытом, за словами нечто другое», и, по мнению Пруста, за это можно взяться — в качестве своего рода средства профилактики, — когда «наши истинные ощущения... совсем» спрятаны от нас «под грудой всякого рода терминологий и практических целей, что мы ошибочно называем жизнью». Пруст выбрал слово «жизнь», но под ним он имеет в виду все поверхностные представления о жизни, которые люди

¹ *Proust M. (2003). In Search of Lost Time. Vol.VI: Time Regained. P. 299 and 300. Modern Library (Пруст М. «Обретенное время» из цикла «В поисках утраченного времени»).*

создают для себя в своих бредовых понятиях, о той «жизни», которая в академическом сообществе и в Википедии названа «наукой».

По словам Пруста, это то «единственное, что способно выразить для других и заставляет нас самих увидеть нашу собственную жизнь, эту жизнь, которая «не в состоянии наблюдать себя сама», а когда наблюдают за ней, ее проявления нуждаются в переводе и при этом зачастую в прочтении наоборот, кропотливой расшифровке». Как раз это-то я и собираюсь здесь сделать.

Я ХОЧУ СКАЗАТЬ Г-НУ БАРРОЗУ, ЧТО «ДЕМОКРАТИЯ» — ЭТО НЕ ВЕЩЬ

В первом разделе книги обозначена концептуальная основа философии социальной практики, суть которой состоит в понимании того, что социальная практика передается через язык, который, в свою очередь, складывается — испокон веков — стараниями и усилиями каждого человеческого существа, направленными на выражение своего собственного внутреннего толкования чувств. Сложившаяся таким образом коллективная практика употребления языка, в свою очередь, оказывает воздействие на толкование чувств каждого человека, а это опять же влияет на познание в процессе, который лучше всего представить себе, как извечное взаимодействие коллективного (социального) и частного. Поэтому я утверждаю, что человеческое познание — в хорошем и плохом смысле — возникает из взаимодействия выражений и толкова-

ний, из бесконечных вариаций толкований чувств одного человека и множества людей. Во втором разделе этой книги в качестве примера того, как можно применить такую философию социальной практики, взята одна из важнейших областей общественной жизни, или, вернее сказать, одно из главных явлений в жизни — *демократия*. — Демократия, демократическое соревнование также является одним из вопросов, который я хотел вынести на обсуждение, учитывая возрастающую роль этого слова в информационной войне, ведущейся западными державами и стоящими за ними правящими кругами против остального мира. Похоже, демократическая риторика служит скрытым оружием для нанесения упреждающего удара по странам, представляющим угрозу — или служащим мишенью — для распространения гегемонии нынешних ведущих держав, или же обладающим богатствами, которые эти правящие круги были бы не прочь прибрать к рукам.

В качестве одной из мер по разоружению нам нужно развенчать миф о понятии демократии и показать реальные жизненные процессы, скрывающиеся за этим красивым словом. Для этого самое время отказаться от признания пустого суеверного символизма понятий в пользу искреннего стремления тщательно исследовать и анализировать исходное человеческое поведение, — индивидуальное и коллективное, — обуславливающее возникновение явлений и процессов, которые составляют то, что можно считать социальной практикой, именуемой нами «демократией». Речь идет о явлениях и процессах, кои нам никак не удастся уловить и втиснуть в какие-то оторванные от жизни понятия, в которых мы никогда не идем дальше неустойчивого, эпизодического представления и которые можем только описать, о которых можем только рассказать подобно тому, как автор пишет свой

рассказ или как художник рисует свою картину. Таким образом, мы можем лишь рассчитывать на некое экспериментальное толкование явлений, толкование, помогающее составить представление о конкретных особенностях и характеристиках затрагиваемой проблемы. Слова, вроде слова «демократия», срабатывают как своего рода ментальный путь напрямик, позволяющий особо не о чем не задумываться, не давать себе труда осмыслить основные, базовые явления. Вот беда только в том, что если *мы* сами не задумаемся над происходящим, то за нас это наверняка попытается сделать кто-то другой. Ведь именно так пропагандисты стараются не упустить ни малейшей возможности для применения своих технологий и совершенства манипуляций, ухватившись за какое-то из этих сакральных слов и понятий, вкладывая в него нужное им содержание и используя его по делу и без дела в зависимости от того, как это вписывается в их интересы в информационной войне против остальной части общества и остального мира. — Чтобы понять, что такое «демократия», нужно воскресить в памяти основной постулат истинной науки, выраженный Марселем Прустом: «Реальность, которую нужно отобразить, заключается не в том, что очевидно, а в проникновении этого очевидного в такие глубины, где эти поверхностные ощущения не имеют значения»¹.

Война в Ираке и предшествующая ей информационная кампания служат ярчайшим примером средств ведения информационной войны и ее последствий, этой современной разновидности военных действий, причем попытка провести различие между словами и ракетами не имеет большого смысла, — и то, и другое сеет смерть. Что

¹ Proust M. (2003). In Search of Lost Time. Vol.VI: Time Regained. Modern Library. P. 279 (*Пруст М. Обретенное время* из цикла «В поисках утраченного времени»).

касается Ирака, то большинство честных людей согласится — задним числом, зная сегодня то, о чем мы не знали тогда, — что решающая поддержка войны была обеспечена с помощью тщательно подготовленных и умело примененных пропагандистских приемов. Сейчас все это уже понятно, но лишь немногие задумываются над тем, что у такой информационной войны гораздо больше фронтов, лишь немногие понимают, что те же самые злоумышленники ведут крайне рискованные нападки и на Россию; на этом фронте на карту поставлено еще больше. Разумеется, каждому человеку любая война в одинаковой степени несет страдания и смерть, однако же здесь ставки выше для всего человечества, а значит, даже для тех людей, чьи интересы эти махинаторы якобы представляют. У пропагандистов-махинаторов пока еще, наверное, нет окончательного плана наступательной операции на российском фронте, но складывается впечатление, что они занимаются долгосрочными вложениями в создание дурной репутации, формируя образ врага, твердя об угрозе безопасности и «западным ценностям», считая, что как только эти страхи прочно угнездятся в европейских умах, — а ведь это у них действительно пока что здорово получается, — они смогут нанести удар при первом же удобном случае. А им не терпится найти такой случай, подобно тому, как не испытывающий любви к хворому дядюшке, но надеющийся на получение наследства племянник с нетерпением ждет его кончины, не в состоянии бороться с искушением во что бы то ни стало ускорить развязку.

Похоже, что никаких уроков извлечено не было — ни из ситуации в Ираке, ни из каких-то других обстоятельств в череде бесконечных войн и скорбных страниц в истории человечества; ненасытность сил зла не знает пределов, они не знают поражений, никуда не исчезают, они

просто маскируются под обыденность и выжидают, пока не представится возможность вновь вынырнуть (а у человеческого общества, несомненно, море таких возможностей), чтобы нанести новый удар.

Европейский Союз — ярчайший в мировой истории пример того, как резко меняется направление развития демократии, и все же именно институты ЕС служат центром европейской миссионерской демократии. Это сродни вере религиозных фанатиков: они ничего не знают об истинных человеческих ценностях, но, однако же, при этом готовы идти на все, чтобы заставить других принять свои. По определению евродепутатов, «демократия» — это «наши общие демократические ценности и традиции». Но я прошу их назвать эти ценности, сказать, что они представляют из себя в действительности, из чего они состоят, откуда они берутся, к чему они ведут, увидела ли Европа пик этих ценностей и демократии?... — И с какой стати все ценности Европейского Союза должны быть общими для 500 млн человек? Что за тоталитаристская идея! — Что это за ценности, что это за *демократия*, что от нее остается при попытке копнуть немного поглубже, проникнуть под поверхностный слой этого возвышенного слова, столь щедро и по любому поводу выговариваемого пухлыми губами председателя Европейской комиссии г-на Жозе Мануэля Дурана Баррозу, откуда оно вылетает вместе с брызгами слюны, с пеной, выделяемой слюнными железами как продукт гиперактивных, но, судя по всему, не совсем удачно протекающих процессов регулирования функций тела. Ибо, разумеется, вдобавок к этому слову должно быть кое-что еще — демократия — это все-таки нечто большее. — И в самом деле, так оно и есть, даже для нашего дорогого Жозе Мануэля, или, к слову сказать, особенно для него. Ведь раньше ему было привычно употреблять слово *демократия* в совершенно

другом смысле, — по крайней мере, таково внешнее впечатление, — в те времена, когда он, будучи революционным лидером португальской подпольной группировки маоистского толка — Реорганизационного движения партии пролетариата (РДПП), позднее Коммунистической партии португальских рабочих (КППР) — Революционного движения португальского пролетариата, проповедовал насилие. Лишь тогда, когда подвернулась возможность начать новую и более перспективную карьеру, Жозе Мануэль решил заменить содержание симпатичного слова *демократия*, отбросить революционную риторику и поменять ее на что-то более подходящее для его новых неоконсервативных покровителей, служить которым он с той поры подрядился. — Это также служит объяснением хронического политического эдипова комплекса, которым страдает наш Жозе Мануэль. Он старается скрыть двойственность личности — или, скорее, свою многоликость, пыжится, стараясь придать себе строгий вид, подобающий государственному деятелю. Однако царящий в его голове сумбур накладывает на лицо отпечаток лихорадочной активности, выражающейся в быстрых и нервно-беспокойных движениях, движениях, каждое из которых по отдельности, длясь всего лишь какие-то доли секунды, едва заметно, и поэтому они создают впечатление пульсирующей студенистой массы, — что как раз под стать его полной политической бесхребетности. Будучи не в состоянии управлять своим лицом, он переносит центр тяжести туда, где, как ему кажется, у него получается лучше — на свой рот. Но выходит-то как раз из огня да в полымя, ибо все, что ему удастся, это скривить рот в самой глуповато-многозначительной улыбке в политической истории Европейского Союза, улыбке, являющей собой нечто среднее между мрачной гримасой и выражением некоего безропотного идиотизма, — не-

удачное сочетание внешне выказываемого доверия его американских покровителей и комплекса неполноценности бывшего коммуниста из находящейся на задворках мировой политики страны, внезапно оказавшегося у власти конгломерата, стремящегося стать возрожденной Священной Римской империей. — Но нас бы не смутило бесформенное лицо, выражение которого меняется при каждом движении плечами, постоянно вздрагивающими от мучительной раздвоенности, заключающейся в осознании того, что он является центром внимания, и это вызывает у него ощущение внутренней неловкости, но в то же время и довольства собой, хотя он в равной степени не знает толком, что с этим делать, полагая своим долгом, или, скорее, то, что он пассивно переживает как свой долг, ибо в этом случае *полагать* — слишком возвышенный термин, здесь и сейчас осмыслить и истолковать каждое из своих впечатлений. Даже его надутые, искривленные в глуповатой улыбке губы не привлекли бы нашего внимания, если бы не глаза. Потому что в глазах сохранилось что-то от его честной маоистской юности, именно по глазам видно истинное выражение гнева или отпечаток чего-то несправедливого и недостойного, чего-то злобного, что служит причиной его гнева, этакой священной ненависти. Именно беспокойное, тревожное выражение, промелькнувшее в глубине его глаз, навело меня на мысль, что во всем этом есть нечто большее, чем обычный политический блеф, — в этом есть какой-то более личный, таящийся в душе примитивный гнев, старательно прикрываемый другими телесными функциями. Кое-что об этом говорит и отпечаток некоей диспропорции между количеством разных точек, в которых подряд и одновременно находится его тело, вздрагивание плеч, дрожание голоса, бесформенной массы лица и многозначительная глуповатая улыбка — и все они каким-то

образом имеют отношение к гневу, мерцающему в глубине зора.

Зато этот хамелеон г-н Баррозу — удачный выбор человека для того, чтобы вести за собой Европу, ведь он лично. Он один воплощает в себе весь ее идеологический спектр, что означает отсутствие у него вообще какой-либо идеологии, или лучше сказать, никакой европейской идеологии нет и в помине. В нем Глобальная Элита обрела лучшего европейского политика, которого можно купить за деньги. — Ошарашенный мыслью о том, что он, по сути, стал Президентом, он усвоил один жизненный урок: быть благодарным и лояльным голосу своего хозяина.

И вот именно этому г-ну Баррозу я хочу сказать, что *демократия* — не вещь.

ФУКО — ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ДЕМОКРАТИИ

Демократия — название *системы* (я употребляю слово *система*, но должен предупредить об опасности ложного представления, которое оно может породить, указывая на аналогию с вещными процессами, поэтому я подчеркиваю, что в этом контексте под словом «система» в социальных науках имеются в виду «комплексные взаимодействия между людьми»), преднамеренные попытки оказать воздействие на властные отношения. Следовательно, *демократию* можно определить или, скорее, осмыслить только в терминах, относящихся к лежащему в ее основе понятию власти. — И снова я ловлю себя на том, что говорю о системе, состоящей из «преднамерен-

ных попыток», но это, по сути, указывает на еще одну проблему — идею постижения всего сущего с точки зрения *преднамеренных действий*, хотя в действительности большая часть аспектов, оказывающих воздействие на демократию, является результатом сложных комплексных взаимосвязей во всех сферах общественной жизни. В значительной степени это всего лишь общие условия жизни в обществе, которые обуславливают состояние демократии, демократическое соревнование, или, скорее, его отсутствие, недостатки демократии, — ведь качество демократии (хорошая или плохая демократия) суть отображение общих жизненных условий и бесконечных их вариаций.

Я бы сказал, что демократия является одним из аспектов тех самых явлений, которые мы называем властью, в некотором смысле они — зеркальные отражения друг друга, с одной стороны, мы обозначаем то, что видим, *властью*, а с другой, подводим под категорию *демократии* процессы, оказывающие воздействие на власть. Однако же, когда мы действительно пытаемся осмыслить проблему, подобраться к тонкостям аналитики, то попадаем в самый настоящий герменевтический круг, постоянно снимая слои поверхностных представлений, наблюдая, как какой-то аспект демократии соотносится с тем или иным аспектом власти и так далее, пока не начинаем по-настоящему понимать, что демократия и власть — лишь названия двух разных точек зрения на одну и ту же проблему, на ту же самую социальную практику, и тогда мы осознаем, что каждый рассматриваемый нами новый аспект демократии можно осмыслить только в соотношении с каким-то аспектом власти и так до бесконечных мельчайших подробностей в отношении всех сторон демократии и власти — от малозначащих соображений до главенствующих общих идей и представлений.

Однако же наши ученые мужи истолковывают *демократию* по-другому. Они не связывают ее ни со взглядами на власть, ни с чем-либо иным. По сути, они вообще *не связывают одно понятие с другим*, потому что в их вещном мировоззрении нет никаких отношений. Они просто утверждают, как в любой языковой игре, свое поверхностное творческое видение слова *демократия*, — и это *творческое видение* они именуют *наукой* (хотя более тщательное исследование и анализ природы этого видения, наверное, привели бы к диагнозу «научный бред»). И все, чего им удастся добиться таким анализом, — это вляпаться по глупости в традиционно академическое понятие «демократии», предусматривающее обязательные ссылки на **Древнюю Грецию** и **Афины**, **Макиавелли** (с ним связано больше недоразумений, чем обычно бывает в науке), **Монтескье** (икона для всех тех, у кого отсутствует способность четко мыслить, но это не в укор самому барону Монтескье, это в укор читателю — *читателю?* — Да нет, читателей-то и нет, его труды не читают, впечатление о Монтескье составляет по двум абзацам примечаний из учебников средней школы по истории и бесконечных ссылок научного мира на его имя, и никто не задается целью, что же он говорил на самом деле, в связи с чем, и при каких обстоятельствах); **Руссо** и его работа **«Об общественном договоре»** получают очень высокий рейтинг в научном жаргоне (хотя никто не дает себе труда задуматься о том, что «общественный договор» — просто фикция, фигура речи, причем очень сильно исковерканная). — В качестве других столпов демократии приводятся **Великая хартия вольностей**, **Билль о правах**, **Конституция США** и **Пятая поправка**, а также другие бытующие доказательства, прокладывающие себе путь в науку, которая превратилась в пустую игру слов, праздное состязание в остроумии. И венцом всех этих

терминов стал **«Парламентаризм»**, который звучит для этих мудрецов завершающим аккордом слова **«Демократия»**.

Но я утверждаю, что суть демократии — нечто большее, чем эти многочисленные ссылки на исторические документы и знаменитостей, куда большее, и в чем она состоит, можно понять только в контексте исследования того, что представляет собой *власть*.

Итак, нам повезло с *властью*, поскольку в отличие от *демократии*, где мы не можем заручиться поддержкой никого из былых или нынешних авторитетов, в отношении «власти» мы можем обратиться к Фуко, Мишелю Фуко, французскому философу и историку, занявшему заслуженное место в истории западной мысли и, что еще важнее, оказавшему на нее благотворное влияние¹. — И если теперь каждый, кто восхищается работами Фуко, задумаются над смыслом его трудов, то сможет добраться до сути того представления о демократии, которое я отстаиваю. Чтобы продемонстрировать взгляды Фуко на власть и подготовить читателя к пониманию связи между властью и демократией, ниже я привожу отрывок, в котором он выражает свою идею власти, и даю свои замечания к нему².

Фуко дает определение власти как в смысле того, чем, на его взгляд, она является, так и того, чем она не является, или, скорее, тех аспектов представления о «власти», которые обычно первыми приходят в голову, но

¹ Хотя мне приходится отметить, что, к сожалению, Мишель Фуко не смог полностью освободиться от ориентированного на марксизм так называемого постмодернистского мышления с его классовыми теориями и поэтому во многом остался заложником господствующих теорий заговоров, согласно которым метафизический класс капиталистов вынашивал заговоры против остального человечества.

² Я привожу цитаты по изданию: *Foucault M. 1990, Vintage books. С. 92–97* на английском языке.

которые им отвергаются как попросту поверхностные и легковесные. — «Властью я называю не *Власть* как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-то государстве, — утверждает Фуко. — Под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила», — продолжает он и добавляет, что он не «имеет в виду и всеобщую систему господства одной группы над другой, ...систему, результаты воздействия которой распространялись бы на социальную общность в целом».

После такого подразделения того, чем же власть не является, Фуко замечает: «Под властью, мне кажется, следует прежде всего понимать множественность соотношения сил, имманентно свойственных области, в которой они осуществляются и которая составляет их собственную организацию; понимать процесс, который в непрерывающихся конфликтах и конфронтациях преобразует, усиливает или поворачивает их в противоположном направлении; понимать как опору, которую это соотношение сил обретает друг в друге, образуя таким образом цепочку и систему, или же, напротив, понимать как размыкание и противоречия, обособляющие их друг от друга; и, наконец, понимать как стратегии, в чьих рамках они вступают в действие, общее конструирование и организационное становление и укрепление которых выливается в создание государственного аппарата, формулирование законов, установление различных форм социального господства». — На писательский стиль Фуко оказали влияние континентальные метафизические традиции, восходящие к Гегелю и марксистам, поэтому читателю, не посвященному в эти традиции, иногда трудно докопаться до смысла таких фраз, как «соотношение сил, имманентно свойственных области, в которой они осуществляют».

ся», и понять, почему эти «соотношения сил» представлены в тексте так, словно речь идет о неких физических сущностях, однако мне кажется, что читатель, безусловно настроенный на то, чтобы во всем разобраться, сделает это. Из всего вышесказанного самой важной посылкой является понимание того, что Фуко описывает ситуацию, когда огромное, бесконечное число побудительных импульсов возникает из неизвестного числа источников («множественность соотношения сил» и что, по его утверждению, способ воздействия этих побудительных импульсов на людей не является ни линейным, ни иерархическим, а представляет, скорее, результат бесконечных вариаций («непрекращающиеся конфликты и конфронтации их преобразуют, усиливают или поворачивают в противоположном направлении...»), а также понимание того, что можно проследить, как все властные отношения складываются в систему, но не упорядоченную, не прогнозируемую и ни в коем случае ни совершенную («образуя таким образом цепочку или систему, или же, напротив, понимать как размыкание и противоречия, обособляющие их друг от друга»). Это сродни утверждению Пруста: «Образ, что предлагала нам жизнь, в действительности дарил нам в ту минуту разнообразные, несходные друг с другом ощущения»¹.

Фуко: «Условие возможности власти или, во всяком случае, точку зрения, позволяющую понять механизм ее осуществления вплоть до самых его «периферических» эффектов, а также дающие возможность использовать ее механизмы в качестве некоей сетки координат четкости и внятности социального поля, *не следует пытаться найти в изначальном существовании некоей центральной точ-*

¹ Пруст М. В поисках утраченного времени. Обретенное время. Амфора, 2006. С. 258.

ки, в каком-то едином источнике верховной власти, из которого расходились бы в разные стороны производные и нисходящие формы; таким условием является подвижная основа соотношения сил, которая в силу их неравенства непрерывно формирует определенные состояния власти, но последние всегда являются локальными и нестабильными». — В приведенном выше абзаце я ввел курсив, чтобы выделить то, что я считаю важнейшим аспектом, иначе говоря, показать, что Фуко подчеркивает: нет ни «изначального существования некоей центральной точки», ни единого лидера или руководящего органа на вершине пирамиды.

Он ведет речь о «вездесущности власти», подразумевая под этим, что власть — это не подчинение одного лица другим, а, скорее, рои сложных отношений, который, по словам Фуко, «производит себя в каждое мгновение, в любой точке, или, скорее, в любом отношении от одной точки к другой. Власть — повсюду не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит». — Фуко отвергает упрощенческое восприятие власти как простое иерархическое соотношение между вышестоящими и нижестоящими, он утверждает, что «именно в этом поле соотношения сил нам следует пытаться анализировать механизмы власти. Таким путем удастся избежать системы Закон-и-Суверен, которая столь долго зачаровывала политическую мысль...».

Хотя Фуко не говорит это теми же словами, которые я употребляю в книге «Выражения и толкования», я полагаю, что его представление согласуется с моим: власть не следует считать «вещью», чем-то *существующим*, а следует рассматривать как жизнь, отраженную в ракурсе представления о «власти», власть — это восприятие тех проблем, которые, как принято считать, оказывают воздействие на властные отношения. Проблема здесь, как и

со всеми восприятиями, заключается в том, что власть рассматривается очень упрощенно, например, как отношения между президентом и народом. Лишь очень немногим, как Фуко, удалось уделить этой проблеме достаточно внимания, чтобы, подобно своему именитому соотечественнику Марселю Прусту, заметить, что все аспекты взаимоотношений людей (власть ведь только один из аспектов или взглядов на эти отношения) управляются или являются результатом нескончаемых, бесконечно малых аспектов жизни и сил, воздействующих на жизненные процессы, или размышлений над ними. Мы не сможем продвинуть науку вперед, не отказавшись от упрощенческого мировоззрения, представляемого академической наукой и западной системой образования, — мировоззрения, основанного на *языке вещей*, и мысленного представления, ни на йоту не отошедшего от основ арифметики и геометрии средней школы. — Кому-то понадобится сочинить прустовский том о власти и демократии и включить в договоры все аспекты жизни, связанные с этой темой, произвести залп из аспектов, показывающих все признаки и особенности общественной жизни, которые нужно включить в трактат, развеять миф о власти и демократии как о некоей логической формуле, развенчать воззрение, согласно которому *власть* помещается на вершине социальной пирамиды и оттуда простирает свои крылья в точно определенных математических линейных формах, — а строительство демократии соответственно идет в линейной форме от основания пирамиды к вершине, — и это несмотря на то, что нам даже неизвестно, кто помещается там наверху, и станет ли пирамида совсем другой, если вдруг лидера, стоящего на самой вершине, придется сменить (как это время от времени и происходит), если совершенно новая птица с новыми крыльями займет место на этой вершине. Ибо в

конце концов, в истории полно примеров, когда приходит новый лидер, но это совсем не означает, что пирамида изменилась и соответственно могут измениться общественные отношения, даже если один и тот же человек останется.

Есть бесконечные аспекты жизни, оказывающие воздействие на властные отношения, и есть бесконечные властные отношения. Просто для того, чтобы перечислить некоторые из них, мы можем вновь вернуться к цитатам Фуко, утверждавшего, что «власть происходит снизу, это значит, в корне властных отношений нет никакой бинарной всеохватной оппозиции между правителями и управляемыми, и при том, что они служат общей матрицей, — нет двойственности, распространяющейся сверху вниз и влияющей на все более и более ограниченные группы, до самых глубин социальной общности. Скорее следует предположить, что множественность соотношения сил, которые образуются и действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служит опорой для обширных последствий расслоения, которые пронизывают всю социальную общность...». — Более того, власть даже не в этих отношениях, власть в глазах ее обладателя является восприятием взглядов на эти человеческие отношения, и даже при этом власть или различные конфликтующие взгляды на нее, являются своего рода внутренними аспектами этих отношений, или, скорее, они в вытекающих результатах, в размышлениях о жизни, к которым они приводят, или, по словам Фуко, «властные отношения не находятся за пределами других видов взаимосвязей — экономических процессов, информационно-познавательных связей, сексуальных отношений, — но внутренне присущи им». — *Не во внешнем положении, а имманентны им — все в одном холистическом целом.*

И я согласен с Фуко, утверждающим, что «власть не есть нечто приобретенное, захваченное или разделяемое, не нечто такое, что удерживается или упускается; власть осуществляется из бесчисленного количества точек при взаимодействии вечно меняющихся отношений».

Подходя с совсем другой точки зрения, Фуко замечает, что сеть властных отношений в конечном счете образует некую генеральную силовую линию, пронизывающую все общественные институты и структуры, «в них не локализуясь, ...они пронизывают любые социальные стратификации и отдельные объединения индивидов».

В заключение Фуко отмечает: «Власть не есть некий институт или структура; это и не определенная сила, которой мы наделены; это название, которое присваивается некой сложной стратегической ситуации в конкретном обществе... она не является результатом выбора или решения какого-то конкретного субъекта. Давайте не будем искать ни некий штаб, который руководил бы рассматриваемой системой; ни правящая каста, ни группы, контролирующие государственный аппарат, ни те, кто принимает важнейшие экономические решения, не управляют всей сетью системы власти, функционирующей в обществе». — По его словам, власть — повсюду и в то же время нигде, потому что *власть — это не вещь*, а всего лишь социальная практика, которую мы рассматриваем с определенной точки зрения. — Тот, кто готов согласиться с точкой зрения Фуко, что *«власть — это имя, которое присваивают некой сложной стратегической ситуации в конкретном обществе»*, значительно продвинется вперед в обретении нового видения, в способности видеть бесконечные жизненные вариации и понимать философию социальной практики и толкования чувств.

Полагаю, Фуко согласился бы со мной в отношении утверждения, что власть суть социальная практика, тра-

диции, закодированные в языке, в личных отношениях, религии, идеологии, литературе, гендерных концепциях, предрассудках, пропаганде, в решении квартирного вопроса журналистов, в экономической выгоде, алчности, ненависти — и (но в меньшей степени) в любви.

Если исходить из того, что с *властью* дело обстоит так сложно и неоднозначно, то, разумеется, народное средство, ключ к ее правильному выстраиванию, т.е. демократия, ни в чем не может уступать ей по сложности. Демократия — не просто проведение выборов, ибо выборы могут быть справедливыми и выражающими волю народа только при условии, что все остальные главенствующие условия — все, о чем мы с Мишелем сказали выше, — справедливы, благоприятны и обеспечивают свободный и плюралистический процесс демократического соревнования. Вот почему я от всей души, целиком и полностью выступаю против лицемерного взгляда на демократию, проповедуемого такими ханжескими пропагандистскими средствами массовой информации, как Financial Times, The Economist, Washington Post, the Telegraph и им подобных, — а также их лакеем г-ном Баррозу. Суть демократии не сводится к вопросу о выживании самых богатых и самых дерзких и отчаянных, тех, у кого есть средства на приобретение освещения в СМИ и режиссирование уличных протестов. Суть демократии в том, чтобы все имели равные возможности для реализации свободы слова, право выдвигать свои собственные идеи касательно демократической повестки дня и право просто молча соглашаться, если нет возражений, с идеями и действиями политических лидеров.

И все же большинство мировых политических элит пытается убедить нас в том, что демократия означает лишь периодическое проведение выборов. Они забывают о том, что по таким меркам даже СССР был демократи-

ческой страной; там тоже народ регулярно призывали голосовать, чтобы утвердить власть монополиста. (Хотя они и признают роль «свободной прессы», которую определяют как «любое находящееся в частном владении средство печати, независимо от степени его монополизации и уровня коррумпированности». — Может быть, они имеют в виду, что демократия в СССР была бы полноценной, если бы советские СМИ находились в руках одного-двух местных Мёрдоков, а не в государственном ведении.)

Безусловно, голосование имеет решающее значение, но только как составная часть общей основы состязательной демократии, как кульминация честного демократического соревнования. Есть примеры того, что проведение избирательных кампаний при полном отсутствии условий для демократического выбора наносит больший вред демократии (суверенной власти народа), чем использование других механизмов, в большей степени отвечающих требованиям демократического выбора (примером может служить изменение системы назначения губернаторов в России).

Теперь, не забывая о таком анализе сути власти и его alter ego — демократии, а также о бесконечных вариациях, в которых они проявляются и взаимодействуют, я приглашаю читателя поразмыслить над приводимой ниже идеей демократического соревнования как над ориентиром, связанным с осмыслением демократии как принципа действия совокупности условий для состязания на всех уровнях и при разных отметках глубины социального взаимодействия, а также над тем, как организовать демократическое соревнование в обществе (в той мере, в какой мы вообще можем вести речь о его активной организации. — Из всего этого читатель может понять, что демократия сродни полотну, сотканному из самых разных нитей жизни, нитей, переплетение которых образует

пестроту узоров социального взаимодействия при том, что эти нити находятся в нескончаемом движении и все узоры постоянно теряют свою четкость, смазываются другими аспектами жизни, а также понять, что мы можем потрогать и почувствовать его плотность и состав под названием «демократия» только в сравнении со всеми остальными полотнами жизни.

СОРЕВНОВАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

В книге «Выражения и толкования» я выбрал слово «компетиционизм» в качестве термина для обозначения своей мысли о том, что же является важнейшим двигателем, условием всего происходящего в нашем социальном мире. Я выстроил идею компетиционизма, перевернув вверх дном основные философские взгляды, чтобы передать мысль о том, что все в жизни подчинено соперничеству, никогда не прекращающемуся состязанию, неотделимому от разных сторон жизни, — от индивидуальных отношений до всего происходящего на макроуровне, в экономике и политике. Именно состязательность скрепляет и цементирует все стороны жизни, обращает действия отдельного человека в модели социального поведения, благодаря уравниванию крайностей, и такой плавный переход множества вариантов индивидуального поведения в относительно стабильную социальную практику всегда является итогом исторического процесса, подобно герменевтическому кругу. Но в данном случае идея герменевтического процесса используется не только для трактовки реальности, но и для осмысления того, как формируется сегодняшняя реальность в историческом

процессе, где один побудительный импульс влечет за собой другой, своего рода контримпульс так, что при этом каждый из них оказывает свое воздействие, формирует предел возможного. — И к тому же импульсы можно считать аргументами, а это снова возвращает нас к состязанию *аргументов*, где каждый импульс, каждый аргумент в свободном состязании служит для очерчивания возможного круга аргументов (это еще одно проявление действия боли и удовольствия в поисках равновесия). При отсутствии свободного состязания или в случае его извращения сверх меры предел возможного или приемлемого разлетится вдребезги, и тогда традиции, существующая социальная практика окажутся не в состоянии вобрать в себя качество аргументов, становящихся вследствие этого все более и более грубыми, а мирные способы убеждения, основывающиеся на достоинствах какого-то аргумента, уступают место насилию. Вот так рождаются аргументы в пользу насилия, так возникают убийства, революции и войны. — И именно по этому образу и подобию создан наш мир. Именно так европейская демократия (эта *вещь*) прошла через убийства, войны, революции, через бесчисленные невзгоды, невзгоды, которые даже математика — язык социальной научной фантастики — не может сделать понятными, через гильотину, на которой обезглавили 40 тыс. человек, ознаменовавшую подлинное начало славной революции. Французы и поныне трепетно и с завидной гордостью относятся к этому своему достижению, считая его одним из самых красноречивых аргументов в пользу демократии, что в результате позволило корсиканскому оппортунисту провозгласить себя императором, — и все французы поверили в этот бред, словно в сказке наоборот: не император без одежд, а одежда без императора, — и началась бесконечная череда войн и людских страданий, оставившая мил-

лионы погибших на славном пути к европейской демократии: 1848 г. — новая волна революционных выступлений, кровопролития и рукотворных бедствий и страданий во Франции и во всей Европе; 1871 г. — новые бедствия обрушиваются на Францию — 17 тыс. убитых в ознаменование восхода новой зари европейской демократии; 1914–1918 гг. — гражданская война в Финляндии — 37 тыс. погибших, включая потери на фронтах войны, погибших в кампаниях политического террора и лагерях для военнопленных; 1914–1918 гг. — Первая мировая война, унесшая жизни 15 млн человек; Веймарская республика, ставшая дорогой, на обочинах которой появились очередные надгробные памятники, выводящей на славный путь к европейской демократии, и, наконец, 60–80 млн погибших во Второй мировой войне. Между этими двумя самыми славными вехами европейской демократии случился 1922 г. — Марш на Рим и фашистский переворот Муссолини; 1923 г. — первый, но не последний гитлеровский путч; государственный переворот и установление диктаторского режима в Португалии; 1933 г. — назначение Гитлера канцлером Германии; 1936–1939 гг. — гражданская война в Испании, принесшая около 1 млн погибших, за которой последовало установление фашистского режима Франко вплоть до 1975 г.; 1944–1949 гг. — гражданская война в Греции; 1945 г. — атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — самые выдающиеся достижения демократической цивилизации Соединенных Штатов Америки, по имеющимся сообщениям, совершенные как аргумент во имя защиты европейской демократии; приход к власти неизбежных социалистических правительств в целом ряде стран Восточной Европы (позднее в связи с новым свежим взглядом на природно-географические условия переименованной в Центральную Европу), в которых первые признаки демократии появились к концу 1980-х годов.

Такова славная история европейской демократии, нечто, на что, по мнению, евродепутатов, журналистов The Financial Times и г-на Баррозу, способны только европейцы (т.е., по их определению, все европейцы к западу от Нарвы), — и они правы. — Ведь только оставшиеся в живых — не погибшие — думают, что все это так чертовски славно. И именно в результате этого безумного состязания аргументов в Европе, главными из которых в течение последних 500 лет были пули, газы, бомбы и смерть, в наши дни европейцы радуются состоянию равновесия террора, которое они считают демократией, и правильно считают, это и есть демократия, но демократия, взращенная на крови. — Представляется, что люди с такими традициями и взглядами должны быть в самых последних рядах тех, кто рвется выступить со своими наглыми заявлениями и претензиями, чтобы преподать России уроки строительства демократии, ибо Россия — страна, которая не затратила 500 лет и не потеряла 100 млн человек на пути к демократии. Она мирным путем освободилась от европейской идеологии, сбросила ярмо марксизма, сокрушившего за 70 лет все коллективные политические традиции, и несмотря на это, в рекордно короткое время, за какие-то 10–15 лет смогла мирным путем построить полностью функционирующее общество с действующей демократией. Заметьте, г-н Баррозу, это не та разновидность демократии, которая существует в Европе, но ведь и путь России к демократии тоже иной, он не начинался с полетевших под ножом гильотины голов. И демократия в России — это не та демократия, что в Соединенных Штатах, а американская не похожа на европейскую, она не такая, как в Бразилии, да и в Европе тоже нет единой формы демократического правления, хотя все они попадают под удушающее давление возрождающейся Священной Европейской Империи, которая

воздвигнет еще больше памятников этому прекрасному слову — демократия.

Как и все вещи в природе, социальная практика приобретает определенную форму и крепнет в условиях состязания. Экономика и наше восприятие ее как свободной конкурентной рыночной системы как раз служит примером того, как социальная практика отражает усилия и старания бесконечного множества людей, труд которых становится тем плодотворнее, чем больше степень равноправия и свободы. На сегодняшний день большинство согласится со мной — после всех социалистических экспериментов 20-го века с введением плановой экономики и регламентирования — в том, что конкуренция и свобода имеют решающее значение для экономики. Поэтому я призываю читателя постараться разобраться во всех процессах, оказывающих воздействие на экономику (составляющими элементами успешно развивающейся экономики), а затем перенести этот взгляд на все остальные восприятия общественной жизни. В конце честно пройденного пути раздумий любой сможет понять, что те процессы, которые оказывают воздействие на экономику, влияют и на все остальные сферы жизни, и более того, параллель с *демократией* становится явной особенно сейчас, ибо что же составляет суть демократии, как не конкуренция, соревнование! В человеческих взаимоотношениях, которые мы называем демократией, постоянно происходит состязание всего и вся, состязание аргументов на всех уровнях, во всех сторонах жизни, и именно состязание накапливается и закрепляется в демократическом принятии решений, как отражение или, скорее, как второе измерение идеи *власти* по Фуко.

В состязании уравниваются общественные традиции и конкурирующие взгляды на них, образуя состязательный баланс. В таких зрелых политических систе-

мах, как, например, западно-европейские государства (ведь они действительно зрелые, вопрос только в том, не перешло ли это созревание в фазу перестоя), сложившееся историческое равновесие мешает людям разглядеть, что суть всего происходящего заключается в состязании. Теперь, когда оно втиснуто в более строгие рамки конкурирующих взглядов (не в самую последнюю очередь в силу соображений «хорошего тона» (*comme-il-faut*), контроля со стороны ближайшего окружения и привитых хороших манер), аргументы становятся все более и более изощренными в ограниченном спектре разногласий, — т.е. в ситуации, когда основополагающие аргументы, на которые есть общее согласие, формируют рамки возможного, того, что считается приличным, следовательно, рамки состязания аргументов, и поэтому конкурирующие аргументы настроены на нюансы, которые уже не так заметны, поскольку они существуют в обществах, где состязание начинается заново, на пустом месте, как это происходит, например, в сегодняшней России, и это особенно верно в отношении России десятилетней давности. Беда в том, что в Советском Союзе были попораны традиции прошлого и отсутствовала конкуренция во всех сферах общественной жизни (именно отсутствие конкуренции было в большей степени проблемой, чем собственно идеология). После распада советского государства Россия оказалась перед дилеммой — ей предстояло приложить все силы к построению максимально возможного благополучия в обществе даже без потенциальной опоры на традиции своего же прошлого и без возможности напрямую воспользоваться исторически накопленным мировым передовым опытом. — Тем не менее, на сегодня Россией пройден огромный путь, и будет справедливым отметить, что она *обрела* время, приобрела достаточно знаний и опыта, чтобы заслуженно считаться демократической страной сре-

ди других демократий в мире, где всем обществам предстоит еще пройти долгий путь для достижения идеала демократического соревнования.

Демократическое соревнование означает *демократическое* и *соревнование* на каждом уровне, от отдельного человека до наций (государств). Во всех обществах, во всех политических системах имеет место демократическое соревнование, как везде существует и экономика, но так же, как только рыночная экономика может быть успешной. Так и с демократией — только в условиях свободного (от всяческих ограничений) демократического соревнования может проявляться настоящая демократия. При этом соревнование должно быть свободным, равным для всех, каждому человеку должна быть предоставлена возможность высказывать свое мнение на равных условиях. Конечно же, это идеал, как представление о «совершенном рынке» в экономике. Но, несмотря на то, что мы называем его идеалом, это не значит, что мы не должны к нему стремиться, и мы действительно можем приблизиться к реализации цели обеспечения для всех права равного голоса и равных возможностей быть услышанными, — может быть, со временем в конце исторического пути, на который ступило человечество, лишь небольшое (возможно, всего лишь пара-тройка аспектов) будет отделять нас от этого идеала. Расстояние между современной реальностью и идеалом можно сократить благодаря целенаправленной работе политического руководства по устранению препятствий к свободному состязанию во всех социальных областях. Этот процесс можно ускорить за счет применения неких законов об обеспечении конкуренции в широком смысле, вроде антимонопольного законодательства, знакомого нам по экономике, но на этот раз применительно ко всем областям общественной жизни, чтобы влиять на все стороны бытия, на все обще-

ственные отношения, где особенно остро стоит вопрос о свободном состязании в связи со злоупотреблениями господствующим положением в обществе. — В идеальной состязательной демократии будут действительно равные возможности и равное право голоса для каждого конкретного человека. *Конкретный человек* — вот о чем идет речь: суть демократии в отдельно взятых людях, взаимодействующих, ведущих дела друг с другом в обществе; с другой стороны, между государствами (нациями) всегда существует неравенство и не может быть ничего, кроме неравенства. Государства суверенны, но не все государства оказывают одинаковое влияние на внешний мир, — да и не могут оказывать — просто потому, что государства — это не родовые образования, «государства» — это исключительно правовые конструкции, историческое развитие которых шло своим собственным путем и в соответствии со своими правовыми традициями, они занимают территорию разной величины, расположены в несравнимых между собой зонах с разным климатом и различными по составу и структуре природными ресурсами. Все это приводит к формированию совершенно разных условий жизни, появлению разных проблем и возможностей; у них разная численность населения, этнический состав, языки и культуры. Государства — это связки, правовые конструкции, отбирающие и фиксирующие условия жизни, характерные для каждого конкретного народа (или народов в многонациональных странах) в конкретных условиях, и ничего, кроме определенных ритуальных поверхностных представлений, не заслуживает сравнения одного государства с другим. — А эти проблемы запутываются и усложняются самым основным ритуальным представлением, а именно самим термином «государство», ведь пока между «государствами» есть только схожесть и различия, как в семейном сходстве, упо-

требление термина «государство» формирует в вещном сознании людей представление о том, что имеют место быть некие фиксированные сущности, ведущие себя, как люди, и похожие на людей; так и получается, что и ученые, и журналисты говорят о государствах так, словно они и в самом деле люди, наделенные сознанием и волей. Вот почему журналисты могут сказать, что «Финляндия поддерживает Эстонию», «Европейский Союз должен выступить с единым мнением», «Россия не права» или «США не разделяют озабоченность России...», или «Великобритания требует отпечатки пальцев любителей пива». — Государства не являются родовыми образованиями, конкретными образцами какого-то одного вида, они, скорее, похожи на правовые конструкции, на нечто, сравнимое с юридическими соглашениями, регулирующими однотипные спорные вопросы, но при всем том по-прежнему остающимися частными по отношению к каждому конкретному случаю, как, например, два юридических соглашения о приобретении отдельной недвижимости, по одному из которых семейство Смитов приобретает дом в Лондоне, а по другому семейство Вессонов приобретает дом в Глазго. В этом случае мы можем сказать, что оба соглашения касаются покупки дома, и не важно, насколько одинаковыми они могли бы показаться юристу-правовику, для семейств Смитов и Вессонов в них нет ничего похожего, ибо семейство Смитов не может въехать в дом, находящийся в Глазго, а Вессонов — в дом Смитов в Лондоне. При этом продавцам дома в Лондоне нет абсолютно никакого дела до того, что творится с домом в Глазго, условия этих соглашений не имеют ничего общего друг с другом, но все же правовед может отметить, что оба соглашения подсудны британскому законодательству, — и будет в этом тоже не прав. Можно слегка изменить наш пример и сказать, что в другом случае дом куплен семейством Буланже в Париже, и тогда от сход-

ства ничего не останется, за исключением научных нестыковок и несуразностей. — Государства, как и юридические соглашения по разным вопросам между самыми разными сторонами, не могут входить ни в какие симметричные отношения друг с другом, значит, отсутствует то самое неперемное условие демократического соревнования, состязания между равными отдельными людьми. — Государства являются проявлениями демократии в отношениях между людьми, но как таковые не могут быть субъектами демократического соревнования. И более того, именно по этой причине идеал демократического соревнования призван служить образцом, — хотя и не механизмом, — организации эффективного международного сотрудничества между государствами: монополистическая конкуренция в многополярном мире без какого-либо социального, культурного, идеологического и экономического влияния, оказываемого сложившейся гегемонией.

БЫТУЮЩИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Большинство образованных людей знает, что слово «демократия» происходит от греческого слова «demokratia», что, по всей вероятности, является производным слов «demos» — «народ» или «регион» и «kratos» — «власть», «управление» и «сила», что сводится к представлению о *власти народа*. — Впрочем, эти древнегреческие слова не то чтобы очень проясняли суть демократии, они не дают ответа на вопрос, что нужно для того, чтобы власть народа стала реальностью. Нам придется доискиваться до

истинного смысла где-то в другом месте и задаваться вопросом, что же традиционно в идеале означала демократия в историческом разрезе и что она должна означать в идеальном варианте. Удачным началом в наших поисках является определение, данное в словаре Мерриам-Вебстер¹: «форма власти, при которой верховная власть принадлежит народу и прямо или опосредованно осуществляется им через систему представителей, как правило, предусматривающую периодическое проведение свободных выборов». (Следует заметить, что при таких критериях Европейский Союз должен первым вылететь из членов клуба демократий.)

Некое подобие прямой демократии было создано во многих греческих городах-государствах, примером может служить крупнейший из них — Афины. В Афинах к числу демократических институтов относились законодательное собрание (именуемое — *demos*), суд, и своего рода исполнительный совет (буле) в составе 500 человек, отвечавший за подготовку законопроектов для обсуждения собранием, осуществление руководства проведением его заседаний, а в некоторых случаях по указанию собрания за исполнение закона. Эти 500 человек — только мужчины — выбирались по жребию среди *свободного* мужского населения старше 30 лет, а в Афинах не все мужчины относились к свободному населению.

В сказанном выше отмечалось, что в Афинах, система которых столь мила сердцу как идеальный образ демократии, половина населения исключалась из процесса, потому что не принадлежала к сильному полу, а еще масса других людей исключалась потому, что находилась в рабстве у *свободных мужчин-демократов*. Таково было общество, где подавляющее большинство, или около 85% жителей, были отлучены от политической власти самым

¹ Перевод сделан из англоязычного словаря Merriam-Webster.

жестоким и бесчеловечным способом, и поэтому мы должны задаться вопросом, как же вообще можно вести речь о какой-то демократии при таких условиях! И вот мы и вправду видим, что демократии в Афинах не было, правда, не было и авторитарного самовластия одного деспота, диктатора или короля, но было недемократическое правление горстки занимающих привилегированное положение людей. Так что отметим, что, в конечном итоге, «демократия» вовсе не досталась нам от древних греков, что мы, по существу, не получили от них ничего, кроме этого красивого слова *демократия*, слово, как слово, в которое можно вложить любое содержание, если только оно взято из достаточно авторитетного и влиятельного источника. Мы видим, что даже в самой основе того, что и поныне считается колыбелью демократии, лежит фикция, вымысел. Несмотря на то, что в афинской политической системе, безусловно, были некоторые достойные всяческой похвалы черты передового представительного правления, она не идет ни в какое сравнение с большинством правительств в сегодняшнем мире. А это означает еще и то, что нам нужно чуть более скептически относиться к истолкованию прошлого и далеко отстоящих от нас традиций; мы можем относиться к афинской демократии как к историческому курьезу, некоей диковине, но не как к модели демократии. Мы можем уважать достижения древних афинян при изучении их традиций в контексте указанных обстоятельств. И именно этот «контекст указанных обстоятельств» нужно всегда иметь в виду, давая оценку традициям любой другой страны, другой культуры, иметь в виду, что их традиции отличаются от наших, а наши от их, что мы можем неодобрительно смотреть на привычки других, но ведь и другие тоже могут с неодобрением относиться к нашим, и что рано или поздно наши потомки будут дивиться, какими же примитивными были мы и наша социальная практика. Да, мы не достигли совер-

шенства, мы пока даже не приблизились к нему. Очевидно, что одни системы лучше других, очевидно, что у некоторых народов сформировалась более передовая социальная практика (в некоторых сторонах жизни), но все достижения должны измеряться в контексте условий конкуренции данной страны, степени продвижения к относительному процветанию, ее экономического потенциала, условий безопасности от внешних врагов, монополизации экономики, декриминализации, развития судебной системы, воспитания ответственных, некоррупцированных и профессиональных журналистов (не говоря уж о некоррупцированных поддерживающих свободу владельцев медийных корпораций), политических традиций и т.д.

АФИНЫ НЕ БЫЛИ ИСТОРИЧЕСКИМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ

Древнегреческая система управления преподносится нам как «колыбель демократии». Такое мнение распространено прежде всего благодаря богатым литературным традициям, позволяющим считать культуру древних греков (античную культуру) неотъемлемой частью западного культурного наследия, и это не в последнюю очередь благодаря влиянию Римской империи и католической церкви, а позднее также университетам и европейской системе среднего образования. — В более совершенном мире влияние греческой культуры заслуженно получило бы лишь малую толику из всего того, что приписано ей академическим сообществом и задающими тон европейскими университетами. Поэтому нашим учителям и ис-

торикам следовало бы чаще обращаться к истории, изучать все богатство культурного наследия самых разных европейских народов, не говоря уже о великих мировых цивилизациях.

Издавна у многих других народов управление обществом строилось на принципах общего принятия решений и равноправия. К примеру, в обществах, восходящих к нордическим и германским традициям, существовали народные собрания, играющие руководящую роль в решении споров и принятии политических решений, так называемые *тинги*. *Тинг* представлял собой собрание свободных людей страны (представляющих сотню семей). По существу, *тинги* образовывали сеть, в которой местные *тинги* получали представительство в *тинге* более крупной территории, провинции или земли. В *тинге* улаживались споры и принимались политические решения. *Тинги* проводили регулярные встречи, осуществляли законодательную власть, выбирали лидеров (вождей, королей), а также вершили суд по законам, передаваемым в устной традиции общества в системах, демонстрирующих ту стабильность общества, которую англосаксонские ученые мужи называют верховенством закона (*rule-of-law*). — В Киевской Руси до монгольского нашествия во всех городах существовало демократическое городское собрание под названием *вече*. Все свободные граждане мужского пола принимали участие в вече, созывавшемся для обсуждения важнейших дел в жизни города и принятия решений, например, по вопросам войны и мира, принятия законов, провозглашения или смещения правителей.

Мировая история изобилует свидетельствами существования различных форм демократического правления, которое, по всей видимости, является некоей исторической нормой. При этом антропологи по-прежнему приводят кучу других примеров, свидетельствующих о том, что большинству культур свойственно стремление к установ-

лению политических систем общего принятия решений, которые можно считать демократическими (во всяком случае, по тем меркам, с которыми подходят к оценке афинской системы).

Но все-таки даже сегодня мы до конца не знаем, что же на самом деле должна означать «демократия». «Демократия» похожа на массу так заботливо хранимых нами мысленных образов, на идеи, которые в своих мыслях мы считаем «вещами» и холим и лелеем в своем сердце, на восприятия, к которым мы питаем любовь, мысленно протирая и наводя на них лоск, например, время от времени привнося в представление о демократии то чуть-чуть Афин, то чуть-чуть Монтескье, на восприятия, которые мы очень уважаем и горячо защищаем, хотя при этом остаемся в неведении относительно их сути, истинного смысла восприятия или понятия, не осознавая, что все, что у нас есть, — это слова, которые в действительности образуются, как и галлюцинации, только в уме и вмещают в себя основную информацию, содержащую наши самые священные моральные и патриотические пристрастия. — Только мысленно понятие демократии навеивает образ известного помпезного здания на Капитолийском холме, «Большого Бена», лондонской Часовой башни в Вестминстере или улыбающегося премьер-министра Тони Блэра рядом со своей жизнерадостной женой Чери, позирующих в дверях, выходящих на Даунинг стрит, 10... В современном понимании демократии мы не намного ушли вперед по сравнению с этими мысленными картинками, так сильно напоминающими наклейки с изображением любимых героев волшебных сказок, которые собирают и которыми обмениваются маленькие девочки, совсем как ученые мужи, обменивающиеся мнениями о Монтескье, или как г-н Баррозу, любующийся мысленным образом демократии, которая, на его взгляд, является вещью, своего рода мячом, перебрасываемым европей-

скими дипломатами друг другу, которую они стремятся экспортировать и навязать менее удачливым, с их точки зрения, странам, а также народам, проявляющим меньшую способность к глубине восприятия, коей они, по их собственному мнению, уже достигли.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ МОЛОЖЕ БАБУШКИ Г-НА БАРРОЗУ

Так сколько же лет европейским демократическим традициям? Очень немногие задумываются над тем, насколько, по сути дела, недавно появилось на свет такое явление, как современная европейская демократия. О европейской демократии говорится так, словно *она* существовала там всегда, по крайней мере, со времен Платона и Аристотеля, по существу же, она не старше бабушки г-на Баррозу. Все, что напоминает критерии, предъявляемые людьми к демократическому правлению (в смысле свободного и равного голосования), установилось только с наступлением 20-го века. Распространение избирательного права на всех граждан, — которое можно считать своего рода испытанием на прочность представительной демократии, — произошло еще позднее: Австралия — 1901 г., Финляндия — 1906, Норвегия — 1913, Германия — 1918, Великобритания — 1918 (или, возможно, 1928), Швеция — 1921, Франция — 1948, Греция — 1952 г. Это всего лишь несколько примеров. Не забудьте еще и о годах фашизма и войнах, на десятилетия прервавших демократический процесс, и тогда вы по-настояще-

му сможете оценить молодость явления, о котором мы ведем речь. — К тому же в этом контексте забавно слышать, как европейская толпа в Европарламенте (*который не является всего лишь говорильней*) и на других собраниях интеллектуалов, мнящих себя политической элитой, твердит о том, что «русские никогда не научатся демократии, они всегда испытывали потребность в твердой руке...», — как будто несколько десятков лет демократического опыта (*проб и ошибок*) могут существенно изменить что-либо в масштабах истории. И при этом забывается, что даже в годы марксизма Россия была гораздо более передовой страной, чем кто-либо из них, — имеется в виду, исходя из их собственных ценностей, не моих. В 1917 г. Россия сделала выбор в пользу претворения в жизнь того, что было «с пылу с жару», самой передовой социальной модели, рекомендованной большинством ученых из европейских университетов, — марксизма, который даже сегодня большинство евродепутатов все еще с благоговением воспринимает как идеальную утопическую модель общества. — Я предлагаю евродепутатам просто взять себя в руки, трезво взглянуть на факты, крепко потрудиться над возвращением ЕС на демократическую орбиту и обрести уверенность в том, что россияне могут сами без всякой посторонней помощи или вмешательства позаботиться о собственном благополучии, претворить в жизнь то, что народы России по своей свободной воле выбрали в 1991 г.

ЭТО — ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

В этой книге я рассуждаю о демократическом соревновании, рассматриваю идеи, на примере которых хочу

показать, что на самом деле *демократия* является составной частью того, что означает человеческое общежитие, частью извечных исканий ради ухода от боли и получения удовольствия, социальной практики, сформировавшейся в процессе состязания аргументов. Демократия — это определенное общее политическое восприятие всех сторон социальной практики, относящихся к совместному поиску удовольствия, которое являет собой дорогу, вымощенную болью и страданием.

Вернемся к определению демократии в словаре Мерриам-Вебстер: «форма власти, при которой верховная власть принадлежит народу и прямо или опосредованно осуществляется им через систему представителей, как правило, предусматривающую периодическое проведение свободных выборов». Таково определение «*представительной демократии*», вопрос в том, кто приходит к управлению «официальными руководящими органами». — Моя главная задача — помочь осознать, что это только одна сторона медали или одна сторона кубика Рубика, одна сторона умственной головоломки. — Уже первый поставленный вопрос невероятно сложен, он затрагивает такие моменты, как: «что такое честные выборы?», «у всех ли есть равные возможности стать кандидатами?», «роль руководящих органов», «большинство против меньшинства». — «Большинство» и «Меньшинство» пополняют ряды метафизических сущностей. Похоже, люди полагают, что может быть одна сущность, называемая «Большинством», и другая сущность, называемая «Меньшинством», и что сущность «Большинство» складывается из людей, разделяющих одни и те же взгляды и ценности по всем и каждому аспекту жизни, а соответственно «Меньшинство» составляет меньшее число людей, которые однако же единодушно выступают против тех самых идей, которые поддерживает «Большинство». — Но в действи-

тельности нет никакого большинства и меньшинства, есть только миллионы людей, непрестанно выражающих миллионы мнений по всем аспектам жизни, и все эти миллионы мнений выливаются в бесконечные вариации, связанные с миллионами их предпочтений. Можно выявить большинство или меньшинство только в отношении того или иного вопроса, но даже при этом самое большее — только на тот момент, когда возникает данный вопрос.

Под демократией имеются в виду не только выборы и выдвижение кандидатов, демократия — это повседневность, каждодневная забота о делах всех и каждого. — В традициях марксистов и социалистов было утверждение, что система выборной демократии (которую они именовали «либеральной или буржуазной демократией») является составной частью капиталистической классовой системы, и, следовательно, она не является, да и не может быть полностью демократической или представительной демократией. По их утверждениям, при буржуазной демократии политическая власть находится в руках только крупных финансовых воротил. — Эта критика не так уж далека от истины, и, хотя в этой книге я не намерен касаться дел той поры, ее альтернатив и итогов, следует заметить, что буржуазные демократии и их сторонники доказали свою правоту в отношении социалистов. Однако так или иначе с критикой социалистов следует считаться и изучать ее, чтобы изложить исчерпывающее представление о демократическом соревновании. Это напоминает одну из ситуаций, описанных Прустом в «Поисках утраченного времени», когда он утверждает, что «одно и то же сравнение может быть ложным, если из него исходить, и истинным, если им завершить»¹.

¹ Пруст М. В поисках утраченного. Обретенное время. Амфора, 2006. С. 272.

В этой связи нам лучше совсем вывести Европейский Союз за рамки дискуссии просто потому, что для начала его вряд ли можно назвать демократией. ЕС — это конфедерация государств, управляемая дипломатическими соглашениями с большей или меньшей степенью прозрачности (на мой взгляд, *с меньшей*). Цель ЕС — воссоздание в Европе экономико-военной мощи империи в духе Священной Римской империи. Перед европейскими политиками стоит задача создать фасад ее демократической законности. Проект имперской конституции свидетельствует о том, что ни о какой демократии в ЕС даже не может быть и речи, поскольку любому здравомыслящему человеку ясно, что конституции — это документы для регулирования отношений между людьми, а проект Европейской конституции составлен для регулирования отношений между метафизическими сущностями под названием государства. Государства не могут быть сторонами, участвующими в конституции, как раз наоборот — конституции людей создают государства. Пытаясь устроить обсуждение такой подтасовки, создать некий демократический ореол вокруг этого проекта, в тексте проекта конституции местами упоминают реально существующих, живых людей, словно украшают комнату цветочными композициями или добавляют перец в приготовленное блюдо для придания ему особого вкуса и аромата (поперчить людей перед употреблением). — ЕС даже потенциально не может стать демократическим государством, государством, управляемым на основе демократических выборов и процедур, однако складывается впечатление, что главные архитекторы новой империи даже и не ставят такой цели. Напротив, по моему мнению, ЕС спроектирован теми, кто вынашивает идеологию единого мирового правительства, мира, управляемого единой всемирной элитой. По сути, мы видим, или, скорее, нам не дают увидеть, —

мы можем только догадываться, — но мы должны узнать, — какие группы интересов оказывают влияние на принятие решений в ЕС, кто стоит за всем этим. — Хотя в глаза бросается одно: голос хозяина раздается из лондонской The Financial Times.

СОСТЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Истинно демократическая система включает в понятие демократии, в демократическое соревнование состязательное правосудие. Состязательное правосудие — это понимание права как системы состязания аргументов, происходящего ежедневно во всех областях жизни человека.

Недостаток состязательной демократии и свободы и неадекватная работа всех остальных состязательных составляющих общества приводит к неутешительным итогам в осуществлении правосудия (а такое положение дел складывается сейчас практически во всем мире — любое представление о высшей справедливости и правосудии на Западе существует только благодаря сравнению со странами, где ситуация и того хуже). Взывать к правосудию и справедливости может только конкретный человек (при этом, естественно, животным должно быть гарантировано гуманное обращение со стороны человека).

Что бы мы ни называли правом, речь идет о нормативных выражениях и толкованиях, взаимодействующих при производстве правосудия. Иллюстрацией может служить сравнение права и правосудия с медициной и охраной здоровья. Итак, я утверждаю, что суть права должна заключаться в развитии и совершенствовании справедливости, точно так же, как суть медицины — в сохране-

нии и укреплении здоровья. При этом я хочу подчеркнуть, что господствующие правовые теории (ошибочные теории, против которых направлена моя критика) — и прежде всего англо-американские теории, которые слишком уж сосредоточены на прецедентах, создаваемых верховными судами, — можно сравнить с представлением о том, что сохранение здоровья является (исключительно) делом рук хирурга в операционном зале (как если бы право осуществлялось только в суде). В противоположность такой идее я подчеркиваю, что состязательное правосудие — это непрерывный процесс, происходящий между всеми людьми всегда и во всех сторонах жизни. В самом праве к двум важнейшим компонентам состязательного правосудия относится состязание нормативных аргументов в суде (всех уровней) и нормативных аргументов в политике, причем последние заканчиваются формированием сильных нормативных аргументов, называемых законодательными актами или законами. И то, и другое — составляющие состязательного процесса, далекие от совершенства. Главное, что мешает людям понять истинную природу права и правосудия и сдерживает свободное состязание аргументов, связано с тем, что бытует крайне низкий уровень представления, люди просто не понимают, не видят, что право, *суть* просто *состязание аргументов*, находящее отражение в социальной практике с вытекающим отсюда ментальным заблуждением, заключающимся в принятии господствующего примитивного старого антропоморфического взгляда на право, трактовании права и норм права с лингвистической и ментальной точки зрения как неких вещных сущностей (ошибочное представление, под влияние которого они подпали из-за путаницы, связанной с тем, что слова грамматически позиционируются как *существующие вещи*, способные в сочетании с определяющим словом служить подлежащим, исполнителем действия, агентом).

Между судами и «законодателем» (парламентом и иными «суверенами») происходит постоянное соревнование за право создавать сильные нормативные аргументы (или, по их словам, «давать законы»). В Соединенных Штатах это признается в правовой теории и на практике, а в Европе делают вид, что все совсем не так. Само состязание между судами и «законодателями» служит основой становления нормально функционирующего общества, и именно к такому положению дел должно стремиться любое общество. — Честное признание этого продвинуло бы вперед дело достижения правосудия и справедливости, а это — конечная цель жизни в обществе.

В структурах европейского парламентаризма по-настоящему не существует никакого разделения властей. По существу, в Европе законодательная и исполнительная ветви власти — это одно и то же. В Соединенных Штатах, напротив, эти ветви власти разграничены: исполнительная власть, т.е. президент, избирается народом, правительство, т.е. его аппарат, назначается президентом, а законодательная власть, т.е. Конгресс, избирается отдельно. — Европейский бренд парламентаризма, когда тоталитарная власть сосредоточена в руках парламента, приводит к ситуации, которую можно назвать если не монополией, то, по крайней мере, «злоупотреблением господствующим положением на рынке», и, следовательно, это ведет к искажению правосудия и бросает вызов основополагающим жизненным условиям, вызов самой жизни. — Для продвижения демократии в Европе упор в демократическом процессе необходимо сделать на прекращение в странах ЕС монополии парламента на власть и приложить все усилия к восстановлению демократического соревнования.

Важнее разделения исполнительной и законодательной власти является разграничение полномочий между

законодательной и судебной властью. Нормативное удушье, обусловленное отсутствием состязательности в парламентской демократии, можно преодолеть, только гарантируя истинно независимое правосудие. Судебная система должна быть независимой, чтобы иметь возможность оспаривать любые сильные нормативные аргументы парламента (так называемые «законы» или «законодательные акты»), — суть дела в том, что во многих странах даже в позитивном (т.е. формальном) праве это признается по конституции (но судьям не хватает смелости возражать парламента и открыто выступать на стороне правосудия). В Соединенных Штатах судебная система и законодательные органы поставлены в условия более открытого и естественного состязания.

Подлинное решение заключается в предоставлении судебной системе реальной независимости и получении ею мандата от народа, но без прямых выборов отдельных судей. Разрешения дилеммы между демократическим контролем и независимостью судебной системы можно будет достичь за счет образования выборной общественной судебной палаты, в ведении которой находились бы некоторые фундаментальные вопросы касательно судебной системы и которая не подчинялась бы никому, кроме народа.

LAISSEZ-LAISSEZ-FAIRE

На мой взгляд, коммунистическое государство является экстремальной формой монополистического капитализма, при котором весь капитал формально сосредоточен в руках народа, но *de facto* находится в руках узкого круга правящей элиты. Соответственно, идея неограниченного монополистического капитализма очень тесно смыкается с идеей коммунистического государственного

капитализма. Обе одинаково вредны. И для наведения порядка в восприятиях я предлагаю заменить слово «капитализм» словом «рыночная экономика» во всех случаях, когда речь идет о системе немонополистической демократической рыночной экономики. «Капитализм» же лучше оставить как слово с уничижительным смыслом для обозначения неуютной и губительной системы, противоречащей интересам демократического общества.

Свободную либеральную рыночную экономику было принято называть *laissez-faire* до тех пор, пока этот термин не превратился в уничижительное слово для описания чего-то обозначающего «необузданный капитализм», хотя позднее сторонники социалистической плановой экономики стали применять штамп *laissez-faire* для обозначения любой системы свободной экономической деятельности, и они настолько в этом преуспели, что теперь не осталось почти никого, кто осмелился бы выступить в защиту принципа *laissez-faire*, который, в конечном итоге, служит просто обозначением основополагающей экономической реальности, да и не только, — это фундаментальная характеристика всех видов социальной практики.

Laissez-faire означает «позволить делать» (в экономике это означает свободную конкуренцию, политику невмешательства государства в экономику), и, по моему разумению, это расшифровывается как «предоставить людям полную свободу заниматься своим делом так, как они считают нужным». Или «Не мешайте! Не вмешивайтесь в выбор людей, и все обернется к лучшему». И, конечно же, эта свобода составляет фундамент экономики, ибо свобода — первооснова всей человеческой деятельности. Критикуя идею *laissez-faire*, забывают о том, что экономика функционирует не в пустом пространстве, что она — составная часть всех других общественных отношений, например, общественной деятельности, кото-

рая подразумевается под терминами «право» и «политика». Право и политика сами по себе налагают ограничения на экономику, и поэтому экономика как таковая, несомненно, не нуждается ни в каких дополнительных ограничениях. — Дотошный читатель заметит, что в приведенных выше рассуждениях я оказался в затруднении, обусловленном языком вещей; я вынужден пользоваться вещной грамматикой, вещной терминологией, указывать, с одной стороны, на различия, с другой, на взаимозависимость между «правом», «политикой» и «экономикой», но все же мы должны учитывать, что прежде всего это не разные «вещи», а только восприятия тех же самых видов социальной практики, рассматриваемых с разных точек зрения. Тем не менее, имея в виду это обстоятельство, в политике, мышлении, теории мы должны помнить, что «экономика» есть восприятие «хорошо работающего механизма», и наша задача — обеспечить продолжение безотказной работы этого механизма и не вставлять экономике палки в колеса больше, чем это уже происходит при ее перегруженности массой соображений, обусловленных правом, политикой и проблемами охраны окружающей среды. — Критики не осознают, что проблемы в экономической сфере и обществе в целом были совсем иными во времена появления на свет идеи под вывеской «laissez-faire», а возникшие позже проблемы оказались неоправданно запутанными и отождествленными с первоначальной идеей laissez-faire, идеей свободы.

Напротив, находящуюся под угрозой свободу, экономическую свободу надо не ограничивать, а углублять. Но экономическая свобода, как и все остальные проявления свободы, означает активную борьбу за обеспечение ее условий, а условия свободы являются условиями обеспечения равных возможностей. В экономике это означает, что все имеют равные возможности для ведения свое-

го дела при отсутствии давления монополий, поэтому в экономике свободная конкуренция означает борьбу с монополиями и со всеми, кто злоупотребляет своим господствующим положением на рынке. Сегодня опасности и вызовы связаны с беспрецедентным ростом монополизации всех сфер хозяйственной деятельности. Осознание этой угрозы и противодействие ей становятся настоятельной необходимостью для свободной экономики и свободных людей. Поэтому мне хотелось бы переименовать понятие, передающее идею экономической свободы, в «laissez-laissez-faire» (с двойным «laissez»), где еще одно «laissez» указывает на идею активного и постоянного противодействия всем злоупотреблениям, связанным с использованием господствующего положения на рынке, и монополиям в целях неизменного обеспечения возможности для демократически равной конкуренции в экономике. Тогда этот термин будет означать: «быть уверенным, что все могут конкурировать на равных условиях».

ЧАСТНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Время от времени, размышляя о том, каковы же наиболее важные характеристики нашей социальной практики, будь то искусство, мораль, право или что-то другое, я осознаю, что в конце пути всегда возвращаюсь к идее состязания. Под каким бы углом мы ни рассматривали нашу общественную жизнь, как бы ни разворачивали все ее стороны, нас никогда не покидает мысль о том, что состязание есть общий знаменатель всех видов социаль-

ной практики (когда в них наступает застой, общим знаменателем становится отсутствие состязания). По моему убеждению, движущей силой *развития* (или *перемен*, если мы хотим употребить слово с не столь положительным подразумеваемым значением) является только состязание — хотим мы того или нет. Идея состязания служит также основной скрытой причиной, которая привела меня к формулированию постулата философии социальной практики: нет никакого иного знания, кроме отраженного в социальной практике как результат того, что делается людьми; ни у кого нет доступа к некоему высшему знанию по сравнению с другими людьми в том смысле, что это может привести к положительным сдвигам в глобальном масштабе. Знание, или то, что мы считаем знанием, — исключительно продукт состязания, и тогда совокупность социальных практик есть проявление состязания в общественной сфере. Хорошо организованное общество — это общество с развитой социальной практикой, в котором сложилась обстановка динамической стабильности — *стабильности* в смысле предсказуемости и последовательности — и *динамической* в смысле поэтапных и постепенных перемен. Хорошо организованное общество — это не общество, в котором с математической точностью применяются геометрически выстроенные модели субординации. Скорее, это такое общество, где достигнуты успехи в улучшении условий состязания во всех областях жизни, где бесконечные вариации в процессе состязания настраиваются на относительную синхронность, — ведь конечной целью свободного состязания аргументов и потенциально возможной реальности могло бы стать состояние полной гармонии.

Исходя из этих соображений, я предлагаю осовременить взгляд на классический либерализм с учетом нового видения двух главных сторон этой идеи: *первая* касается

отношения к *частной собственности*, а *вторая* — отношения к *монополиям в экономике*.

Классический либерализм стал источником почти религиозной веры в идею о том, что вся собственность должна находиться в частных руках, игнорируя при этом необходимость бороться с пагубным влиянием монополий. Как всегда отрицая всяческие господствующие идеи, не подкрепленные реалиями, я, вопреки этой классической идее, выступаю в защиту *преимущества* частной собственности, *но одобрительно отношусь* к общественной собственности на стратегически значимые ресурсы и компании. Мы все согласны с тем, что обычным делом считается, когда общей собственностью могут владеть два человека, а также когда она может находиться в руках 5, 10, 100 или нескольких тысяч собственников, и так далее. Но если мы признаем общую собственность тысяч людей, то я не вижу никакой причины, по которой мы должны отвергнуть идею выступления в роли владельца общими активами государства как выгодоприобретателя от имени всего народа (это можно сравнить с любой формой доверительного управления). Например, природные богатства в виде ключевых энергоресурсов и других природных богатств можно максимально использовать в интересах народа, если они принадлежат народу через государственные компании.

Я подчеркиваю, что, на мой взгляд, в большинстве случаев монополии представляют собой аномалии, которым следует давать отпор, но я также признаю, что иногда складывается положение, когда монополии могут сыграть положительную роль, например, когда не остается другого выбора, кроме как примириться с существованием естественных монополий. В случаях, когда монополии нет альтернативы, становится очевидным, что государственная монополия предпочтительнее частной, — на-

много предпочтительнее, когда люди сообща выступают в роли собственника через государственные компании, чем когда горстка частных лиц приобретает огромное влияние на общество в силу того, что они являются владельцами монополистических корпораций, или олигополий.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Некоторые сторонники классического либерализма традиционно скептически относились к реальной демократии и судили о ней как о некоем коллективистском идеале, суть которого состояла в оказании содействия массам в объединении и обретении самостоятельной роли в форме государств, тогда как сами либералисты были озабочены ограничением власти государства над отдельным человеком. Идея *демократического соревнования* ведет к исчезновению этой дилеммы; когда мы осознаем, что демократия — *это не вещь* и что суть демократии в бесконечности соотношения сил между всеми людьми в обществе, т.е. в постоянном соперничестве (а в идеале в поистине свободном состязании), то понимаем, что между отдельным человеком и государством не может быть конфликта интересов как такового, ведь отдельно взятый человек — живая реальность, а государство — это просто метафизическое понятие (его нет), предназначение которого — установление пределов и юридическое обустройство отдельных сторон жизни массового объединения людей. В рамках *демократического соревнования* государство — просто нормальная правовая среда для приведения в порядок и регулирования общих дел, а каждый

конкретный человек вовлечен во все стороны обсуждения и решения общих дел в меру своей личной заинтересованности в демократическом *соревновании*.

Сегодня модно рассуждать о *гражданском обществе*; похоже, в этих разговорах предполагается наличие антагонизма между государством и гражданским обществом. Это простое противоречие свидетельствует о степени институционализации традиционной демократии и растущего дистанцирования демократического процесса от граждан. В то же время политические партии стали выглядеть просто-напросто корпорациями на избирательном рынке, средствами для проведения предвыборных кампаний, заинтересованными только в завоевании своей доли на рынке электората, забывая о реальных заботах граждан. При демократическом *соревновании* антагонизма между этими двумя представлениями не существует. Государство является просто высшей формой проявления гражданского общества; в рамках демократического *соревнования* граждане принимают участие в различных видах демократической деятельности, в том числе в тех, которые закоснелые формы институционализированных демократий вынуждены отторгнуть, как нечто чужеродное для срежиссированного ими демократического действия, и отнести к категории «гражданского общества».

Итак, понятно, что традиционно «демократия» ассоциируется исключительно с выборами, представительством, собраниями и т.п. Разумеется, все это составляет часть демократии, но это всего лишь лежащие на поверхности характеристики демократии наших дней. В конечном итоге, суть демократии — это власть народа по принципу: равные права — равные возможности, и при этом конкретная форма правления и порядок демократического участия в нем могут значительно колебаться от государства к государству. В конечном счете, демократия —

это состояние такого общества, где все имеют равное право голоса, и голос каждого действительно принимается в расчет. — И вот тут-то возникает проблема: как убедиться в том, что голосу каждого отдельного человека действительно придается одинаковое значение? — Опыт показывает, что попытки решить эти проблемы, просто периодически собирая народ у избирательных урн для голосования, не убедившись в наличии максимально возможных условий для демократического соревнования, несостоятельны, ведь выборы исполняют свое назначение только тогда, когда все являются равноправными участниками демократического процесса. — К сожалению, сегодня при упоминании демократии речь больше не идет о том, как нация организует принятие решений в своем содружестве, сегодня «демократия» скорее используется в качестве троянского коня, когда мало кому известные силы пытаются всеми способами пробраться в государственную власть, используя не совсем устоявшиеся традиции и слабости нации. — Путь Гитлера к посту канцлера Германии сродни въезду внутри троянского коня пропаганды и махинаций. — Беда России в том, что противники открытого общества (иногда даже прибегая к двойному обману, именуящие себя «Открытое общество») неизменно используют таких троянских коней для нападок на ее молодую демократию, извлекая выгоду для себя из всех трудностей, стоящих на пути России к достижению процветания, справедливости и стабильности фактически на пустом месте, образовавшемся после распада Советского Союза. — Есть много разных темных лошадок, в т.ч. из числа иностранных держав, которые, пользуясь слабостью молодого общества, хотят прибрать страну к рукам под той или иной личиной троянского коня, чье громкое название относится к словарному запасу демократической риторики.

На мой взгляд, в недавно выдвинутой доктрине *суверенной демократии*, сформированной при нынешнем российском руководстве, признается этот факт и опасность манипулирования молодой демократией противниками открытого общества. Поэтому мои симпатии, разумеется, на стороне этой доктрины. В моем понимании цель идей, связанных с *суверенной демократией*, — в российском контексте — принять меры против тех же угроз, которые бросают вызов свободному *демократическому соревнованию* во всем мире.

ВРАГИ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Идеал демократии состоит в том, что каждый голос имеет значение в равной степени, изо дня в день. Это идеал, но никак не реальность. В действительности демократические свободы людей ограничены хищническими устремлениями картелей и монополий, картельными сговорами, разного рода отклонениями на рынке общественных отношений, злоупотреблениями, связанными с господствующим положением в обществе. Мы хорошо понимаем, что означает обеспечение конкуренции в области экономики, получила широкое признание точка зрения на необходимость ограничения власти монополий с целью обеспечить нормальную работу экономических рынков. И я стремлюсь перенести это на остальные виды социальной практики (или все остальные общественные отношения). Следовательно, нам нужно осознать всю серь-

езность воцарения разного рода незаконных и недобросовестных социальных практик, сговоров, опасной концентрации средств массовой информации, парламентаризма монополистического толка, исторически сложившегося преобладания каких-то нескольких партий, идеологий и хищнических действий, направленных на то, чтобы снизить соревновательный накал и активность демократического соревнования. Необходимо воспитывать антимонопольное мышление во всех областях жизни: в политике, религии, науке, СМИ и т.д. — Целью политики должно стать устранение всех препятствий на пути к установлению свободного демократического соревнования при полном равенстве в отношении каждого человека. Так, например, владелец любого центрального СМИ должен быть отлучен от своих сверхполномочий, чтобы его власть не превосходила власти всех остальных граждан. В Европе особое значение будет иметь принятие мер против парламентаризма, чтобы бороться с этим извращением демократии.

Все подобные отклонения на рынке общественных отношений являются проявлениями действий врагов свободного и открытого общества, противников демократического соревнования. Чтобы понять, о чем идет речь, приведу перечень некоторых основных препятствий, которые необходимо преодолеть:

1. Экономические монополии.
2. Политические монополии.
3. Злоупотребления СМИ, нечестная журналистика и монопольная концентрация средств массовой информации в руках горстки людей, злоупотребление свободой слова («лицензия на ложь»).
4. Пропаганда — заклятый враг открытого общества, — развернутая монополизированными СМИ и разного рода темными лошадками, специализированными пропагандистскими организациями.

5. Засилье идеологии.
6. Засилье религии.
7. Бедность.
8. Низкий уровень образования.

В Соединенных Штатах для регулирования процедуры выборов действует в принципе прекрасно составленная конституция, составляющая правовую основу состязательных выборных процессов. В книге «Выражения и толкования» рассмотрены преимущества этой системы. Однако в отношении выборных процессов есть другие затруднения; конституцией обеспечивается формальная база демократического соревнования, но все участники процесса должны действовать в рамках системы свободной конкуренции, однако же в нынешних Соединенных Штатах дело обстоит совсем не так. Сегодня негативные социальные последствия деятельности монополий наносят удар по прописанной в конституции системе состязания. В данном случае речь идет о монополии на власть, которой добились для себя ведущие партии — Республиканская и Демократическая. Вследствие этой монополии обе партии уже больше не являются выразителями истинно демократической воли народа. Их скорее можно считать политическими маркетинговыми корпорациями, полностью прибранными к рукам карьеристами, действующими скорее как члены правления этих корпораций, причем там многие из ведущих политиков занимают высокие посты по наследственной линии, как, например, в клане Бушей; конгрессмены и сенаторы выступают в качестве лоббистов, продающих свои услуги за деньги (как в профессии, которую я не считаю древнейшей), а пропагандистская машина и подконтрольные ей СМИ удерживают эти партии у власти при любых условиях. Несмотря на то, что на ранних этапах становления американской демократии эти партии сыграли благотворную роль, сей-

час они фактически ограничивают свободный выбор электората, превратившись в своеобразные аппараты постоянного сговора по ограничению истинной свободной демократии. Поэтому, на мой взгляд, для спасения американской демократии (с учетом важности этого вопроса для всего мира) и защиты общества (да и всего мира) от недобросовестных социальных и выборных практик необходимо вернуть состязание в американский политический процесс, и это должно быть сделано с помощью средств, аналогичных методам и средствам, которые можно использовать для свертывания деятельности и роспуска занимающих монопольное положение в экономической сфере корпораций как незаконно действующих монополий. Что касается этих двух монополистических партий, то их следовало бы распустить за монополистический сговор против народной воли, суживающий свободу демократического выбора народа и препятствующий честному политическому процессу. Ибо когда две партии более сотни лет занимают такое несокрушимо командное положение и влияют на избирателя, то возникает та самая олигополия, которую мы можем отнести к более широкой категории высшей точки общественного зла, то есть монополиям. Обществу крайне необходимы антимонопольные законы, направленные против партий, обладающих монопольной властью, чтобы гарантировать честную игру в политике и равные условия для демократического соревнования. Только с помощью таких средств можно создать возможность для выражения конкурирующих мнений и взглядов, для участия всего народа в демократическом процессе на равных условиях.

Проблемы, связанные с монополией и другими формами злоупотребления господствующим положением на рынке, носят особенно критический характер в отношении СМИ. Средства массовой информации представля-

ют собой новую сверхструктуру сегодняшнего мира, и, по моему убеждению, концентрация собственности на СМИ в руках все более узкого круга людей представляет собой самую большую угрозу для демократии во всем мире и, следовательно, для всего человечества. Проблема приобретает все более острый характер в отношении англо-американских медиа-групп при их глобальном размахе (когда одна или несколько господствующих медиа-корпораций оказывают влияние на большинство западных стран). Эти корпорации установили фактический контроль, — я бы даже сказал, цензуру, — над западным образом мышления. При помощи, казалось бы, неограниченных пропагандистских махинаций СМИ захватили контроль над демократическим процессом в большинстве стран Европы и Северной Америки. — И складывается впечатление, что эти медиа-группы обратили идею свободы слова в *лицензию на ложь*.

Большинство из нас согласится с тем, что свобода слова является важнейшим условием соревнования, которое, в свою очередь, является главной предпосылкой демократии. Но, как и всегда при употреблении тех самых сакральных кодовых слов, никто не дает себе труда задуматься над тем, в чем же все-таки суть свободы слова, никто не задается вопросом, какие предпосылки должны быть созданы (каковы необходимые условия) для превращения в жизнь того явления, которое мы называем свободой слова? Поэтому я предлагаю поразмыслить над этим, убедиться в том, что для реализации свободы слова, как и других свобод человека, надо создать реальную возможность для ее воплощения: свобода слова похожа на свободу мысли, у каждого есть свобода думать, и, в конце концов, никто не может ограничить мысль как таковую. — Хотя, конечно, на свободу мысли среди всего прочего может быть наложено и непрерывно накладыва-

ется ограничение не в последнюю очередь именно теми же самыми средствами массовой информации; любая информация несет в себе ограничение, любая информация имеет определенный «привкус», и сам язык заражен ложной информацией и заблуждениями минувших лет (в нем это закодировано). По сути дела, в этой книге и книге «Выражения и толкования» затрагивается именно эта проблема, самая глубинная, всепроникающая проблема жизни. И также хочу заметить, что я, конечно, понимаю, что есть и определенные силы, занимающиеся в разной степени конкретным, личностным промыванием мозгов мужчин и женщин, и это, безусловно, ограничивает свободу мысли. Но в этой связи я говорю о мышлении в самом широком смысле, я отметил, что *мышление само по себе* едва ли может быть ограничено. Я говорю обо всем этом потому, что дело не в том, ограничивается свобода (говорить, мыслить) или нет, а дело в необходимости иметь реальные возможности для выражения своих мыслей на равных условиях одного человека с другими. Свобода слова должна означать, что у каждого человека есть реальная возможность открыто высказать свою точку зрения. И именно этого-то и нет в современном мире, в т.ч. и в западных странах, из-за того, что СМИ находятся в руках очень узкого круга владельцев. Это проблема, которую я называю монополизацией средств массовой информации. Ведь дело в том, что фактически несколько медийных корпораций, контролирующих западные СМИ, также контролируют и свободу слова на Западе. Становится необычайно трудно пробиться с высказыванием несогласия, при этом западные СМИ перешли от задачи простой подачи и распространения информации к пропагандистской работе по формированию мнений и манипулированию мыслями. — Для реализации свободы слова необходимо соблюдение двух условий: отсутствие каких-

либо активно устанавливаемых ограничений на высказывание своего мнения, причем у большинства людей нет никаких проблем с пониманием хотя бы этого, но им не удается осознать такую же необходимость в соответствующем доступе к трибуне. При таком понимании, или, скорее, недопонимании природы свободы слова представление о ней превратилось в своего рода лозунг для консолидации собственности на средства массовой информации в руках все более узкого круга корпораций, постоянно упрочивающих свое положение на рынке (фактически получающих лицензию на ложь). — Подлинная свобода слова будет означать, что на самом деле обеспечен реальный доступ и возможность выражать свое мнение, обнародовать свое несогласие. Для претворения этого в жизнь нужны соперничающие и плюралистические СМИ, — соперничающие и плюралистические СМИ, где журналисты будут неусыпно следить за тем, чтобы появлялись конкурирующие мнения, оспаривающие преподносимые истины (судя по западному опыту, мне это кажется нереальным). В конце концов, *свобода слова, как и все остальное, это состязание аргументов*. Поэтому первейшим критерием свободы слова является недопущение доминирующего положения какой-либо медийной организации нигде и ни на одном языке. Однако сегодня в большинстве стран мира ситуация далека от идеальной и, вне всякого сомнения, гораздо хуже, чем сто лет назад, когда выход на рынок нового печатного органа был относительно прост, и ни одна корпорация не оказывала решающего влияния на читателей. Однако же сегодня на самом деле на Западе, бравярующей своей *зоной свободной прессы*, существует реальная монополия или в лучшем случае олигополия в каждом географическом регионе, в каждом языковом ареале и в каждом крупном городе при наличии лишь одной или нескольких господствующих медиа-организаций, и, таким образом, эти организации смогли взять

на себя роль полиции свободы слова (ведь у них же на вооружении лицензия на ложь).

Телевидение по-прежнему остается главным инструментом формирования мнений, поэтому особенно важно обеспечить его свободу от разлагающего влияния монополий. С другой стороны, телевидение, невзирая на все технические возможности, по природе своей таково, что в любом месте может быть только один, два, в лучшем случае три варианта выбора вещательной компании. Следовательно, телевидение всегда имеет тенденцию к образованию естественной монополии. При наличии естественных монополий мы обязательно оказываемся перед выбором — передать контроль какому-то частному монополисту или же коллективному общественному монополисту, представленному государственной корпорацией под соответствующим общественным надзором, и опять-таки, с учетом вариантов выбора, гораздо предпочтительнее оставить телевидение под контролем общественности. — Нам не нужно отказываться от государственной собственности, а следует направить свои силы на развитие демократических механизмов, гарантирующих обеспечение плюрализма; в числе таких гарантий я вижу осуществление диверсифицированного и построенного по принципу ротации управления вещательной компаний и — это следует выделить особо — контроля, независимого от любого парламентского большинства.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Демократию следует трактовать как состязание аргументов, мнений, и следует понимать, что для того, чтобы это состязание было демократическим, оно должно

происходить на равных условиях между равноправными людьми, без какого-либо влияния монополий и злоупотреблений привилегированным или господствующим положением на рынке. Свободному демократическому соревнованию необходима поддержка конкурентного социального окружения, конкурентоспособная социальная практика во всех сторонах жизни, обеспечение базовых условий экономического процветания в целях гарантии истинных возможностей участия в демократическом соревновании в качестве просвещенных граждан.

Несмотря на все вышесказанное по поводу необходимых элементов и условий для развития демократии, есть одна даже еще более важная и принципиальная составляющая — это время. — В конце концов, после всех утверждений о том, чем является демократия и чем она не является, мы возвращаемся к ключевому моменту в философии, в социальной науке о том, что демократия, как и все восприятия, есть не что иное, как имя, присвоенное нами определенным видам социальной практики, это социальная практика, рассматриваемая нами с точки зрения власти. И касаясь этого вопроса, мы должны иметь в виду, что наша идея — это достижение равенства между всеми людьми, и что все равные люди будут обладать правом, и не только правом, но и реальной возможностью оказывать воздействие на властные отношения на началах равноправия.

Сегодня нам выпала удача жить в мире, где принцип равноправия, по крайней мере, получил широкое признание, правда, он нечасто соблюдается на практике. Складывается впечатление, что люди считают равенство делом эмоций, вопросом вкуса — кому-то нравится, кому-то нет. Но я испытываю потребность в опровержении подобных рассуждений об эмоциональности и хочу прямо сказать, что *равенство — факт биологический*. Доказа-

тельство равенства кроется в фактах биологии человека. По сути, каждое человеческое существо есть существо биологическое — каждое появляется на свет в одинаковых биологических условиях, является продуктом одной и той же биологической эволюции, имеет одинаковые биологические и физические потребности и обречено на один и тот же процесс постепенного угасания — и имеет такую же потребность бороться с этим угасанием, цепляться за жизнь — и каждому из них суждено проиграть эту битву и уйти из жизни. Каждый человек имеет одинаковое право пройти этот жизненный путь, сделать его в силу своих возможностей удачным и счастливым и встретить смерть не от руки другого человека. — И в этом все необходимое нам доказательство равенства, и, значит, демократии.

Социальная практика является проявлением исторических процессов, результатом исторического развития, продуктом времени. При этом добросовестная социальная практика, которую нам, — или тем, кто придет нам на смену, — следует считать достойной похвалы, заключается в традициях, рождающихся в процессе мирного, постепенного развития в стабильном обществе, открытом для иностранного влияния на условиях взаимного уважения и без каких-либо манипуляций и ухищрений. Так что только с течением времени появятся социальные практики, которые мы именуем демократическими традициями, представляющими собой продукты неограниченного демократического соревнования, развивающегося в правильном направлении (я говорю о «направлении», а не о существующем равновесии, ибо мы должны иметь в виду, что о демократии, как и обо всем в жизни, следует судить только в относительных понятиях, в данном случае в сравнении с традициями прошлого, нынешними условиями жизни в обществе и тенденциями общественного развития).

Опыт стран бывшего советского блока показывает, что очень трудно создавать демократию на пустом месте, что отсутствие демократических традиций ведет к своего рода политической лотерее. При отсутствии традиций и демократического прошлого избиратель лишен возможности сделать взвешенный выбор, ибо смысл политического выбора нельзя вывести дедуктивным способом из случайных фактов и эпизодов, это можно сделать только исходя из совокупности накопленного опыта. Поэтому достоинства каждого кандидата, каждой партии следует рассматривать только в контексте традиционной работы политической системы в целом, прежней деятельности каждой партии, деятельности каждого отдельного кандидата, реальных возможностей страны на данном этапе развития и т.д. Так, только на фоне накопленного опыта можно оценить потенциал конкретного кандидата или политической программы. — К тому же каждому избирателю нужно разобраться, в какой степени новый парламент или новое правительство вообще способны влиять на жизнь общества. При зрелой демократии существует сложившееся негласное истолкование основообразующих условий. Однако в контексте новой демократии в отсутствие традиций избиратель, по всей вероятности, проголосует просто на эмоциях, из чувства разочарования и бессилия, будучи не в состоянии определиться со своим выбором; он, скорее, проголосует в знак протеста против действующего руководства, каким бы оно ни было, — протест ради протеста, ведущий к взлетам и падениям демократии, ставшим бросающейся в глаза особенностью всех восточно-европейских стран переходного периода. — Роль политических партий имеет решающее значение, как в хорошем, так и в плохом смысле, — для политической системы западных стран; там партии постепенно превратились в главную опору системы; традиционная

приверженность какой-либо партии сродни приверженности вере; этот характерный признак в значительной степени вызывает затруднение (служит помехой для обсуждения достоинств, ведет к злоупотреблению господствующим положением на рынке и т.д.). Но ведь это те самые характерные признаки, которые обеспечивают стабильность западным демократиям, поскольку большая часть электората при всех условиях поддерживает существующее положение дел, отдавая свои голоса традиционно избираемой партии, а неопределившиеся избиратели своим выбором просто влияют на направление демократического процесса на сложившейся политической сцене. В России отсутствует эта особенность западных демократий, она не может не отсутствовать, поскольку, хотим мы этого или нет, в советской России была только одна партия — коммунистическая. Поэтому России необходимо найти другие способы обеспечения важнейших особенностей, свойственных западным демократиям, стабильности, рождаемой исторической приверженностью какой-то одной традиционной партии. — Необходимо напомнить читателю, что путь, пройденный в течение тех 200 лет, которые занял процесс формирования партийной системы на Западе, был весьма ухабистым и кровавым. В России в настоящее время идет крайне интересный процесс реализации проекта — проекта становления стабильной демократии в короткие сроки, избегая повторения кровавых ошибок, через которые прошли Европа и Соединенные Штаты.

Отсутствие демократических традиций делает общество и электорат особенно уязвимыми для прямых нападок со стороны тех, кто стремится манипулировать ни в чем не повинным обществом, воспользовавшись слабостью традиций. Эти силы действуют с помощью групп влияния и пропагандистов, которые, подобно педофилам,

пытаются совратить молодое общество, осыпая свои жертвы знаками внимания, подарками и грантами, соблазняя их демократической риторикой, и, подобно педофилам, эти пропагандисты используют свой опыт в таких ухищрениях в обществах, которые они считают проблемными. Сначала они стараются завоевать доверие самых слабых членов этих обществ, притворяясь их друзьями, затем выделяют нескольких избранных вожаков, на чувстве собственного достоинства которых они начинают играть и которых, подобно пешкам в шахматной игре, подводят к мысли о том, что с помощью торговцев пропагандистской наркотой они могут сделать мат всему обществу. И, завоевав доверие, такие пешки превращаются в добровольных пособников этих социальных педофилов, готовящих наступление на сообщество. Они исходят из стратегии господствующего влияния СМИ и обманчивой риторики, с помощью которых они пытаются поставить общество на колени; наконец, не осознавая ничего, кроме пропагандистских посылов, хищник мертвой хваткой вцепляется в общество, наносит удар и пытается подвергнуть свою юную жертву политическому и экономическому насилию с особой жестокостью. — Значит, ради своего будущего любое общество должно защищаться от духовного насилия под названием пропаганда (а превращение духовного насилия в физическое — это всего лишь вопрос времени; по сути дела, собственно разница между духовным и физическим насилием — этого только вопрос степени, а возможно, они являются лишь сторонами одного и того же). И поэтому общество должно защищать себя от пропагандистского насилия, как мужчина защищает себя и свою семью от любой формы насилия. Общество должно защищаться независимо от того, откуда и кем совершаются пропагандистские атаки — национальными медиа-олигархами, особыми пропагандистски-

ми группами (нередко действующими под маской благотворительности и других возвышенных целей), тайными лоббистами, иностранными спецслужбами, международными медиа-монополиями и т.п.

ВОТ ОН — ТРЕТИЙ ПУТЬ!

Демократическое соревнование — вот тот знаменитый третий путь. Но это не тот путь, который обычно искали, сворачивая налево от центра, это, скорее, сведение воедино всех тропинок, которыми пойдут люди в мирном немонополистическом обществе, где налажено идеальное соревнование, равное сотрудничество, и где властвует человек, причем каждый человек со всеми своими правами — здесь и сейчас.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Carter, W.C.* (2000). *Marcel Proust: a life*. Yale University Press. (Carter 2000).
- Eidinow, J., Edmonds, D.* (2005). *Wittgenstein's Poker*. Faber and Faber.
- Einstein, Albert.* (2000). *The World As I See It*. Citadel Press.
- Foucault, M.* (1996). *The History of Sexuality. An Introduction. Volume I*. Vintage Books.
- Hellevig, J.* (2006). *Expressions and Interpretations. Our Perceptions in Competition. — A Russian Case*. My Universities Press.
- Lévi-Strauss, Claude.* (1966). *The Savage Mind*. University of Chicago Press.
- Monk, Ray.* (1991). *Ludwig Wittgenstein — The Duty of Genius*. Penguin Books.
- Popper, K.R.* (1977). *The Open Society and Its Enemies. Volume I: The Spell of Plato*, Fifth edition revised 1977, Princeton University Press.
- Proust, M.* (2003). *In Search of Lost Time Vol. VI: Time Regained*. Modern Library.
- Пруст М.* В поисках утраченного времени. Обретенное время. Амфора, 2006.
- Proust, M.* (XXX). *On Art and Literature*. Carroll & Graf.
- Selden, R. edit.* (1990). *Theory of Criticism*. Longman Group UK Limited.
- Wittgenstein, L.* (1965). *The Blue and Brown Books*. Harper Torchbooks. («Blue and Brown Books»).
- Wittgenstein, L.* (1984). *Culture and Value*. Edited by Wright von, G.H. in collaboration with Nyman, H. University of Chicago Press.

Wittgenstein, L. (2004). *Philosophical Investigations*. Edited by Anscombe G.E.M., Anscombe, E. and Rhees. R. Third edition. Blackwell Publishing.

Wittgenstein, L. (2004). *Tractatus-Logico-Philosophicus*. Routledge, London.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Гнозис, 1994.

Витгенштейн Л. Философские исследования. Кебридж, 1945, интернет-источник.

Йон Хеллеви́г

ВСЁ — ТВОРЧЕСТВО:

О социальной практике и толковании чувств.

О демократическом соревновании

Издательство «Зерцало»

Лицензия № 004730 от 29 марта 2001 г.

(495) 689-75-36; (495) 689-72-45 (факс); e-mail: laton@mail.ru

Подписано в печать 18.09.2008. Формат 84×108/32. Бумага офсетная.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «НАУКА»
121099, Москва, Шубинский пер., 6